

Калдовские



Миры

БЕЛАЯ ТЕТРАДЬ



Софья Ролдугина

Софья Ролдугина
Белая тетрадь
Серия «Ар-Нейт», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954485
Белая тетрадь / Софья Ролдугина: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59199-2

Аннотация

Этот мир – колдовской. Здесь равейны, возлюбленные дочери Изначальных стихий, живут рядом с людьми; шакаи-ар, потомки Древних, ведут охоту за чужими эмоциями и кровью; бродят в толпе неузнанными ведарси – драконы, фениксы, единороги...

Этот мир – прекрасный. Здесь города носят разноцветные имена – Зеленый, Бирюзовый, Серебряный, цветут яблони в Дальних Пределах и спят под землей аллийские дворцы, брошенные тысячелетия тому назад...

Этот мир – жестокий. Здесь юные ищут любовь, древние – бегут от смерти, а судьба сводит их на одной узкой тропе, связывает накрепко и смотрит с насмешливой улыбкой: что будете делать теперь, дорогие?

Этот мир – на грани войны... только он еще не знает об этом.

Содержание

Пролог	5
Заметки	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Софья Ролдугина

Белая тетрадь

*Скитаюсь в лучах потаенной звезды,
Поземка мои замечает следы,
Лишь шаг до беды.*

*А в темно-бездонных глазах – пустота,
Душа холодна и кристально чиста
И лед на устах.*

*И тонкая нить среди диких теней —
Дорога – как линия жизни моей.
Я – пленник путей.*

*Я странник забытый на землях чужих,
(Согрей мои пальцы в ладонях своих...)
Закончился дождь – только ветер не стих,
(Согрей мои пальцы в ладонях своих...)
И солнечный луч показался – на миг,
(Согрей...)*

Пролог

Он стоял и смотрел на звезды. Там, высоко, – вечность.

Когда-то у него тоже была вечность. Или казалось, что была.

Прекрасная.

Холодная.

Одинокая.

А семь лет назад он узнал, что вечность закончилась. От нее остались жалкие осколки. И с каждым заходом солнца их оставалось все меньше.

Нет, он никогда не жалел, что влез во все это. Если он успеет исполнить задуманное, то его вечность будет приемлемой платой за миллионы чужих. Но в ослепительно-прекрасные минуты, когда солнце скрывалось за горизонтом, он особенно остро чувствовал, что теряет.

И как он не хочет умирать.

Но темнота опускалась на землю, и сама память об этих минутах слабости растворялась в торопливых заботах, неотложных делах и бурном – пока еще! – водовороте жизни.

Но сегодня все было не так.

Алое зарево заката истаяло, но мечта – его самая главная мечта! – осталась.

Его мечта.

Его жизнь.

Его вечность.

Она стояла перед ним, испуганно распахнув зеленые глаза.

Он улыбнулся.

Заметки

Глава 1

Ночь рассыпала звезды по небу. Ветер таинственно шелестел листвой, унося из города дневную автомобильную гарь. Где-то далеко орали кошки, сообщая всему миру о своей неземной любви. Пожалуй, самое то для романтической прогулки...

Если бы не одно «но».

В половине первого хрупкой девушке лучше спать дома под родительским присмотром, а не брести с тяжеленным рюкзаком по темным, густо заросшим всякой зеленью дворам. Городок у нас, конечно, тихий... но все-таки не абсолютно безопасный. Водится... разное.

Мои пальцы потерели деревянный кулон на тонком шнурке.

Бегаю я плохо, дерусь еще хуже, маньяков боюсь панически. Им, знаете ли, все равно, равейна ты или нет. А если дернуть за шнурок... Последствия будут слишком шумными. И вообще-то инквизиторов я боюсь еще больше, чем маньяков. Им, знаете ли, все равно, кто там на тебя напал.

«Береженье лучше вороженья» – вот мой девиз по жизни. Не очень круто звучит, конечно, это вам не «Победа или смерть!» или там «Ни шагу назад!», но зато неприятностей на меня сыпнется гораздо меньше, чем на забияку Джайян или Этну с ее вулканическим темпераментом.

Наверное, можно сказать, что я трусиха... Но нисколько этого не стыжусь. Мама, правда, посмеивается и говорит, что рано оценивать характер, если в серьезные передраги я еще не попадала. Элен искренне уверена в том, что если уж ее дочь унаследовала фамильные черты во внешности, то и норов – без всяких сомнений.

Я никогда не спорила с мамой. На мой взгляд, все было очевидно – характер мне достался как раз не от нее, а от отца. А тот, думаю, был не самым смелым человеком, если уж перетрусил и сбежал, когда узнал, что его жена – равейна. Точно так же и я всю свою недолгую жизнь предпочитала убегать от проблем, будь то опала классной руководительницы, стычки с дворовыми ребятами или конфликт с хамоватой кассиршей в супермаркете.

Мне казалось, что не переть на проблему с берсеркерским блеском в глазах – не худший выход, даже если со стороны это и выглядит не слишком красиво и романтично. Иногда разумнее не вступать в неприятности, чем геройствовать и потом месяцами разгребать последствия.

И поэтому, еще издали заслышав приближающиеся со стороны платформы пьяные голоса, я рыбкой нырнула в ближайшие кусты.

Заросли, издали и в темноте принятые мной за сирень, оказались аномально высоким шиповником.

Чудесно. Просто распрекрасно.

Но уж лучше слегка поцарапаться, чем потом драпать от пьяной компании, молясь всем богам, чтобы ноги унести. Принцип меньшего зла в действии.

К счастью, хамоватые, гогочущие на всю улицу парни свернули к высоткам. Пронесло.

Со вздохом отцепив от рюкзака особо приставучую ветку, я выползла на дорогу, чувствуя себя отвратительно жалкой. Вокруг было пустынно и тихо до жути. Даже электрички на станции не шумели. Сразу вспомнилось, что в «мертвое время» между часом и тремя ночи всякая нечисть получает особенную силу...

По спине пробежал холодок. Я неуверенно шагнула вперед. Остановилась, до рези вглядываясь в темноту.

Что-то скрипнуло, и я, как заяц, отпрыгнула обратно, к кустам.

Вот она, «опасная ситуация»... И опять – больше всего на свете хочется смыться подальше отсюда. Домой, под мамино крылышко...

Сердце колотилось, как после марафона.

Но никто, конечно, и не думал вылезать из подворотни и покушаться на мою жизнь. Чтобы хоть как-то поднять «боевой дух», я начала тихонько болтать сама с собой. Задуманно, почти шепотом – только чтобы заполнить зловещую тишину.

– Вот ведь дурочка, правильно Хэл говорит... Растяпа. Не надо было опаздывать на девятичасовую электричку, если потом поезд идет только через два часа...

Под жалостливо-ругательное бормотание я ускорила шаг, стараясь особо не вглядываться в густую тень по краям заросшей дороги. Ничего, скоро пригород закончится, пойдут освещенные кварталы... Магазины круглосуточные, а в них охрана... И вообще, до дома еще полчаса шагом... или пятнадцать минут бегом...

Мягкие подошвы кроссовок почти полностью гасили звук шагов, и я ощущала себя кошкой, несущейся по спящей квартире. Правда, сомневаюсь, что кошки в темноте спотыкаются или бормочут себе под нос всякую успокоительную чушь.

– А кусты? Что кусты – хорошие, густые. И прятаться удобно. И вообще, это не трусость, а здоровый инстинкт самосохранения. Ну, подумаешь, поцарапалась. Зато все обошлось. А если сил не рассчитаешь, получится как с Линной.

Я поежилась, вспомнив, как к молоденькой равейне, так и не успевшей оправиться после несчастного случая, заявили два инквизитора. Серых – из боевого подразделения Ордена. Пришли, нагло вскрыв входную дверь, и потребовали показать свою *Силу*. Отстоять *Право* использовать магию.

Так случилось, что я как раз была у Линки в гостях – заносила посылку от мамы. И поэтому слышала все.

«– Ах, на тебя напали наркоманы? Говоришь, колотили? Амулет случайно сработал? А ты не знала, дорогая, что человек по отношению к наделенным Даром – всегда жертва?»

– Они – не люди! Такие – хуже зверей!

– Людям – сталь, одаренным – огонь. Закон есть закон, милочка. Если только Сила не ставит вас выше...»

И вызвали ее на дуэль. Нет, не так – устроили избиение, прикрываясь древними, истреппавшимися о время законами.

На моих глазах. А я, до онемевшей гортани перепуганная девочка, забилась в угол кухни, под подоконник, и могла только смотреть.

А какой шанс победить был у Линны, мастерицы рунного и ритуального колдовства? Загипсованной рукой не то что верный знак не начертишь – и ложку не удержишь.

Когда Линка перестала кричать и прикрываться от ударов сапогами, я очнулась и выскочила из квартиры, благо растрепанная девочка в растянутом свитере инквизиторов не заинтересовала. Да и что я могла сделать? Только позвонить маме, позвать на помощь...

Выбежала на лестничную клетку и, задыхаясь, набрала знакомый телефон, путаясь в кнопках. Элен не успела совсем чуточку – Линну увезли.

Конечно, Совет королев отбил у Ордена равейну – это дело принципа. Но потом. Позже. А казематы инквизиции так просто не забываются. А поседевшие пряди говорят о многом...

Вряд ли методы сильно изменились со Средневековья.

– Говорят, что защищают... Надзирают. *Присматривают*. Притворщики. Кто бы ни напал, зрители скажут, что сама виновата. Что, мол, может приличная девушка делать на улице во втором часу ночи?

– Действительно, что?
Я шарахнулась в сторону.
М-мама...

Он стоял, прислонившись к фонарному столбу. Нарочито картинно, чуть откинув голову назад, чтобы лунный луч осветил характерную улыбку. Высокий, тонкий – люди такими не бывают. Пряди черных, как смоль, волос неаккуратно свисали на лицо, резко выделяясь на фоне бледной кожи. Одна рука провокационно цеплялась за пояс джинсов, когти другой лениво царапали столб. Железная стружка бесшумно удлинялась, медленно загибаясь в спирали.

– Как впечатления? – Ласковая улыбка, ласковый голос. – Знаешь ли, люблю все эти драматические эффекты... – Он неопределенно взмахнул рукой, и стружка просыпалась на асфальт с легким звоном. – Что там по тексту дальше... Ах, да, компания не нужна?

Кстати, я не говорила, что шакай-ар боюсь больше, чем маньяков и инквизиторов, вместе взятых? Потому что им НЕ все равно, равейна ты или нет. И они знают, на что плевать инквизиции.

Именно поэтому я не стала отвечать на провокационный вопрос и драпанула в противоположную сторону. Туда, где светили фонари и бродила пьяная, но абсолютно человеческая компания.

С простыми хулиганами у меня был шанс. А с одним из шакай-ар, жуткого народа, проникшего даже в человеческие легенды по всему миру, – никаких шансов.

– Значит, не нужна? Жаль. А мне нужна. *Смертельно.*

После этих слов я побежала в два раза быстрее, на ходу избавляясь от рюкзака. И соответственно навернулась в два раза сильнее, когда кое-кто подставил мне подлую подножку. Небо и земля несколько раз поменялись местами, а когда все успокоилось, перед глазами был асфальт, бровь саднило, а по щеке стекало что-то липкое. Но самое ужасное – на спине вместо рюкзака устроился он. Тяжелый. Но пока, кажется, холодный – не теплее обычного человека. Значит, не голоден.

Хорошо. Я бы сказала – замечательно. Может, удастся договориться, если он узнает, как зовут мою маму...

Но через секунду мои домыслы потеряли всякое значение.

Намотав косичку на ладонь, шакай-ар резко потянул вверх, продолжая давить коленом на позвоночник. В итоге я выгнулась жутким мостиком, шипя от ноющей боли в костях, отчаянно пытаюсь нащарить руками хоть какую-нибудь опору... пусть бы даже схватиться за нападающего, только бы прекратить муку...

Хищник, довольно мурлыкая, потерся щекой о мою шею. Я замерла.

Только не бояться. Им нужны сильные эмоции – боль, стыд, страх.

О боги, лучше страх, чем боль!

– Плохо бегаешь, малыш. Слишком быстро все закончилось, – насмешливо прошептал он в самое ухо. – Но ты старалась, верно?

Я молчала. Сердце колотилось как бешеное. Меня мотало от бесстрастно-логичных рассуждений к черному, животному ужасу.

«Найта, спокойно, спокойно, спокойно. Это город. Твоя мать дружит с главой местного клана, никто не посмеет тебя убить, только поугадают...

Наверное...»

– Или я ошибся?

От этого вкрадчивого, мягкого тона было страшнее, чем от самых жутких угроз.

А вдруг он не знает, чья я дочь? На мне не написано...

Одно маленькое допущение – и хлипкая логическая плотина, которую я выстроила на пути ужаса, обрушилась. Позорная паника вырвалась наружу беспорядочными мольбами:

– Нет-нет! Я очень старалась, очень, отпустите, пожалуйста, отпустите, ну пожалуйста, пожалуйста...

Мой голос сорвался на всхлипы. Я чувствовала себя жалкой. Боги... и мама еще говорила про характер... Нужно отдышаться и вернуть ясность мыслям, потому что если все это всерьез... то рассчитывать я могу лишь на себя.

– Отпустить? Прости, не могу. – Хищник явно развеселился. – Когда еще удастся поймать такую молодую, беспомощную равейну с серьезным потенциалом? – Я затылком чувствовала усмешку.

И... фальшь? Наигранность? Мой мучитель говорил, как театральный злодей. Да и с самого начала это пахло фарсом, с самой первой сцены... «Может... может, меня просто разыгрывают? Чтоб не опаздывала больше домой?» – вспыхнул огонек надежды и тут же угас. Нет, мама бы ни за что так не поступила.

– Старание всегда вознаграждается, так ведь в школе учат? Поэтому я дам тебе еще одну попытку. – Шакаи-ар рывком поставил меня на ноги. Ледяные руки обхватили за плечи и талию. Все еще ледяные. Хорошо. Чудесно. Замечательно. *Найта, провались оно в бездну, прекрати трястись и думай!* – Может, даже две или три. Согласна?

– Д-да...

Шанс. Хотя бы призрачный, но все-таки... И кулон... Шнурок – пополам... Главное, отбежать подальше...

Не трястись. Поступать, как дочь Элен. Не бояться...

– Итак, три попытки. Целых три. Я сегодня добрый.

Он легонько чмокнул меня в затылок. Осторожное, почти целомудренное прикосновение заставило вздрогнуть от ужаса и омерзения. Если бы мне за шиворот бросили жирную гадюку, я бы испугалась меньше.

– Три попытки. Но потом – чур, не обижаться. Раз, два...

Внушительный пинок задал мне направление, и я побежала на заплетающихся ногах.

– Давай-давай! Быстрее бежишь – дольше живешь! – расхохотался вдогонку шакаи-ар.

И я бежала. Довольно долго, кстати. Ума хватило на петляние среди темных громадин домов и попытку соорудить на ходу отвод глаз. О направлении я как-то не думала. Опомнилась, только когда под ногами запружинил толстый хвойный ковер, а прямо по курсу обозначилась толстенная ель. К несчастью, слишком поздно обозначилась...

– Ой, бездна... – тихонько выругалась я, потирая пострадавшее от столкновения плечо. – Мамочка, родимая, где же ты...

Ну что мне стоило забежать в ночной супермаркет и позвонить Элен, а не таранить в темноте деревья?

Наверно, со стороны это выглядело смешно, но у меня теплилась надежда, что смотреть было некому. Кое-как поднявшись, я припустила между еловыми стволами... И всего через десяток шагов на полном ходу впечаталась в гостеприимные объятия шакаи-ар.

А ребра у него были жестче, чем некоторые еловые ветки.

– На сей раз я почти получил удовольствие от погони, маленькая равейна. – Он заключил меня в кольцо рук. – Кстати, сильно ударились? – Пальцы почти ласково погладили мою спину. И участие в голосе было... таким искренним...

Может, все-таки шутка?

Я упрямо смотрела вниз, отказываясь поднять на него глаза. Меня била дрожь. Руки, сомкнувшиеся на моей талии, уже не были холодными. А значит...

– Да не бойся ты так, малыш. – Сильные пальцы, вцепившись мне в подбородок, запрокинули голову...

Глаза у него оказались темные, синие или зеленые – в ночном мраке не разглядишь. Они слегка опалесцировали в темноте, как и у всех шакаи-ар. Или как у кошек. Выражения лица тоже было не разобрать, но, кажется, он улыбался... Тепло. Нежно. Дразняще.

– Я же обещал, что до третьего раза не трону. Ну, почти...

Острые зубы опасно щелкнули у самого кончика моего носа. Я пискнула, отпрянула было, но железная хватка не позволяла делать лишних движений.

– Как себя чувствуешь? – безмятежно поинтересовался мой мучитель, поглаживая меня по волосам и по спине. Будто успокаивал...

– Нормально, – ответила я с задержкой. Голос прозвучал низко и хрипло, как будто меня скоростно настигла простуда. Постепенно страх сменялся надеждой, словно я устала постоянно бояться.

Может, он просто играет? Ох, Вечные, если вы меня слышите – пожалейте, смилуйтесь... Вы равейн не любите, но я же наполовину человек... В жизни больше не стану ходить одна по ночам и опаздывать на электрички... и в комнате уберусь... и... и...

– Так ты сильно ударилась? – Ладонь мягко, кругами, скользила по спине. Это было бы приятно, не зная, что в любую секунду пальцы могут согнуться, и тогда острейшие когти оставят на коже кровавую борозду.

– Жить буду, – машинально откликнулась я. Стандартная фраза прозвучала насмешкой. Буду. Конечно. Вопрос – долго ли?

Шакаи-ар же не терзался подобными вопросами. Он вел себя бесцеремонно, как старый друг или родственник.

– А это откуда? – Он мазнул пальцем по ссадине на брови.

– Там... об асфальт... ну, когда...

– Отлично. Тогда – минус одна попытка. – Улыбку, как водой, смыло. Голос заledenел. Кажется, с «родственником» я поспешила... – Шагом марш!

Я отшатнулась, выворачиваясь из кольца рук. И тут под ногой что-то хрупнуло, потом зашипело. Я зашарила по карманам, отыскала мобильный – и посветила вниз экраном.

Шишки. Но слишком длинные и тонкие, чтобы быть еловыми.

Сердце ухнуло куда-то вниз, а голова стала легкой и звенящей. Вот *это* настоящий ужас!

Только мертвых хозяев леса нам не хватало!

И вместо того, чтобы рвануть в лес, я отпрянула обратно – в цепкие объятия *моего* хищника, прижимаясь спиной к его груди. Он не оттолкнул меня – только скользнул рукой вниз и крепко стиснул мою ладонь.

– Ты чего? – шепнул он. Без ставших уже привычными злодейских интонаций, без издевки. – Ну, не трусь...

И коснулся губами виска.

...не знаю, что случилось. Может, мне просто попался шакаи-ар с развитым даром эмпата, или наступило состояние аффекта, или проснулись мамины гены... Но ужас, от которого ноги подламывались, вдруг исчез, смытый чистой адреналиновой злостью. На все и всех – на поздние электрички, на приبلудных шакаи-ар, на себя. Я почувствовала себя дочерью Элен, сильной, гордой... равейной.

Надо было действовать. И у меня уже появился план.

Резко развернувшись, я бросилась обратно, туда, где остался город. Теплой, уже почти горячей руки так и не выпустила. К счастью, мой невольный спутник не сопротивлялся и не спрашивал ничего. Скорее всего, поддался любопытству – это вполне в характере шакаи-ар.

Когда мы отбежали на сотню метров и уже почти выбрались на залитую лунным светом поляну, вдруг раздались мерзкие чавкающие звуки, переходящие в хриплые завывания.

– Что это? – Шакаи-ар резко затормозил. У меня чуть руку не вывернуло из сустава. Боль прошла плечо и кипятком разлилась по костям.

– Что это? – Мне вдруг стало ужасно весело. Я попыталась высвободить руку, но ее держали крепко, не пуская меня – к городу, к фонарям, к безопасности. – То, что бывает, когда вместо мелких духов лесом управляет большая проблема. А «шишки» – как сигнализация, – неловко пошутила я и сама рассмеялась. – Ну, идем же! Пожалуйста! – требовательно потянула я его за руку.

– Бегать от какого-то лешего? – Шакаи-ар брезгливо скривился, не двигаясь с места и не отпуская меня. Видеть его самоуверенность было мерзко. Он-то сильный, мало чем рискует, а вот я...

– Леших не бывает. – Голос сорвался. Я старалась говорить спокойно и убедительно, но получалось плохо. – Это дух, облекшийся плотью. Т'лар. Такие твари иногда поселяются на местах сражений, а здесь совсем рядом семьдесят лет назад проходил фронт. Одна из человеческих войн.

– И?... – непонимающе тряхнул он головой. Но наконец сдвинулся с места, и дальше я уже объясняла на ходу.

Нужно было успокоиться. Судя по вою, т'лар находился достаточно далеко от нас, и в запасе еще было полторы-две минуты.

«А сколько из них уже прошло?» – промелькнул в голове вопрос, но я затолкала его в подсознание.

– Т'лары – особый вид воплощенных духов. – Звук собственной речи помогал сосредоточиться. – Он... способен к размножению, фактически – похоже на почкование. – Кажется, шакаи-ар заинтересовался, по крайней мере, слушал он внимательно. Боги, если я выберусь, обязательно поблагодарю Дэриэлла за уроки, а брата – за одолженные конспекты! – Обитают т'лары в лесах, часто неподалеку от человеческих поселений. Но в период... почкования... не брезгают и прочими разумными.

– Я так и не понял, чем он опасен. – Шакаи-ар вновь затормозил. А до границы леса оставалось метров четыреста, если срезать через заросли... Лишь бы успеть!

Я запрокинула голову, ловя взгляд своего невольного спутника. На поляне было достаточно светло, чтобы различать нюансы мимики: недовольно нахмуренные брови, иронично приподнявшийся уголок рта...

– Организм т'ларов вырабатывает особый яд нервно-паралитического действия.

– Я шакаи-ар. Чистокровный. Таких, как я, *нельзя* парализовать. Почти ни один яд на нас не действует. – Он снисходительно усмехнулся.

Вот так – все мои аргументы побоку.

Сразу захотелось врезать ему под дых, чтобы мерзавец сдвинулся с места или меня отпустил.

Или хотя бы перестал *так* улыбаться.

– Этот – подействует. Уж поверь. – Для усиления эффекта я перешла на наглое «ты». – И будешь лежать на два метра под землей, *живой*, месяц, два, пока взрослый т'лар не обглодает руки-ноги, а здесь – я ткнула ему в грудь – будут расти личинки. *Голодные*. Это я умру почти сразу... А ты у нас сильный, – нарочито издевательски протянула я, копируя по памяти голос одного знакомого целителя. – Сумеешь выкормить не одно поколение.

Я говорила быстро, но уверенно, иногда захлебываясь словами, иногда срываясь на шепот. А шакаи-ар стоял и смотрел на меня с нечитаемым выражением глаз. Тикали невидимые часики, таяли эфемерные две минуты безопасности.

Заполошно колотилось сердце.

Кто станет требовать лекцию о т'ларах, когда они совсем рядом? Самоуверенный безумец? Самоубийца?

У меня из горла вырвался всхлип. Я дернулась из железной хватки шакаи-ар отчаянно, зло...

И когда он, похоже, начал все понимать, появился, собственно, предмет обсуждения.

Т'лар. Определенно. Чем еще может могло оказаться двухметровое человекоподобное существо, тощее, угловатое, туго обтянутое толстой шкурой? Полусогнутые задние лапы были почти в полтора раза длиннее передних, на одну из которых он опирался, а другую – приподнял по-собачьи.

Я тоненько застонала от страха. Хватка пальцев шакаи-ар на моей руке ослабла, позволяя отступить на шаг, другой, третий...

«Бежать. Бежать, пока не поздно. Почему ноги не слушаются?»

Существо, казалось, было покрыто шерстью, но я знала, что это пробиваются сквозь кожу ядовитые иглы-щетины, похожие на еловую хвою.

Еловый мертвец. Да-да-да, именно поэтому.

Я сглотнула и попятилась, разбивая оковы оцепенения.

И тут он прыгнул. Прямо на меня, через голову шакаи-ар, на лету выстреливая «иглами».

От испуга я сумела только присесть и закрыть голову руками, прячась от ядовитых щетинок... И поползти на коленях, куда угодно, только подальше...

Первая партия шипов отскочила от плотной джинсы, заговоренной Элен на прочность. Вторая, выпущенная уже вблизи, застряла в ткани.

Но не пробила.

Боги, у меня, наверное, вся задница, как у ежа... Или у них иглы только на спине... а у меня наоборот...

Под ладонь подвернулся острый сучок, распарывая ее чуть ли не до кости.

Т'лару надоело поливать меня иглами издалека. Следующим прыжком тварь прижала меня к земле.

Сломает шею?

Загрызет?

Мощная лапа опустилась мне на спину и начала медленно вдавливать иглы.

Боги, конечно... Мертвой я ему не нужна. А вот парализованной...

Я всхлинула. От кислого запаха с примесью смолы мутило. Земля лезла в рот. Будто наяву мерещилась безногая слепая морда, которая склонялась к моему затылку.

Неужели... неужели все закончится сейчас?

От тошнотворной безысходности я завизжала – громко, истерически, рванулась вперед, пытаясь сбросить со спины мерзкую тварь.

Мысли путались.

«Уж лучше бы это был шакаи-ар... Он хотя бы симпатичный... И дались мне эти три попытки... Ясно же, что не смогла бы убежать. И больно бы не было...»

Внезапно раздался мерзкий хруст, и хватка ослабла. Я перекатилась на бок, а т'лар... мне мерещится или у него правда полголовы как ножом срезало?... Т'лар рванулся за мной, мерзкими лапами цепляясь за волосы и воротник.

И когда шакаи-ар выхватил меня из цепких когтей, воротник остался у твари.

Вместе с кулоном и порванным шнурком.

Вырвавшийся на волю огонь с радостным гулом охватил нежить. Белый, жаркий... дарующий настоящее очищение. «Последнее очищение», как иронизировала мама. Элен...

Шакаи-ар задумчиво посмотрел на шестиметровую воронку. Перевел взгляд на меня.

– Неплохо. Стихия?

В ушах стоял легкий звон.

– Да. В чистом виде.

– Заклинание?

– Амулет. На крайний случай.

Бледные кисти по-хозяйски легли на плечи, заставляя податься вперед. Теперь-то я хорошенько разглядела его лицо. Белый огонь давал достаточно яркого света. Глаза у моего мучителя оказались ярко-синие, с вертикальными зрачками, но не мрачные, а неожиданно теплые, с серебряными искорками-отблесками. Нос – прямым, с едва заметной горбинкой. На тонких губах играла улыбка, и она была вовсе не зловещей... Подначивающей? Провоцирующей?

Голодной?

– А я похож на «крайний случай»? – произнес он медленно, и я почувствовала его дыхание на своих губах.

Сознание «поплыло».

– Н-нет... – Я, кажется, в полной мере осознала смысл выражения: «Пытаться собрать мозги в кучку». – Нет, – в этот раз вышло потверже, – у меня бы не получилось. Вы все время были или слишком далеко, или слишком близко. И вообще...

Он насмешливо посмотрел на меня, приопустив ресницы, слишком пушистые для парня:

– Что – вообще?

– Ну... одно дело – развоплотить духа. Этого, елового... Совсем другое – убить. Все равно кого. К тому же после... – Нейтральные синонимы к словам «пытки», «насилие» и «кровопускание» подбирались плохо. – ...после *вас* я могла бы и выжить.

Шакаи-ар расхохотался. Беззлобно и ужасно обидно.

– Ты сама-то в это веришь? Святая наивность...

Огонь медленно опадал, и мне начинало казаться, что глаза шакаи-ар разгораются потусторонним сиянием. Это был просто оптический эффект, но такой... гипнотизирующий.

Как может нечто столь прекрасное быть опасным?

– Верю, – легко слетело с губ. – Шакаи-ар ведь не всегда убивают. У вас была холодная кожа – признак отсутствия голода. А потом... потом вы вернулись за мной, сражались с т'ларом...

Он расхохотался – опять искренне и открыто, совершенно по-мальчишески.

– Не хотел бросать добычу, – интимно пояснил он, резко оборвав смех. – Особенно такую... аппетитную.

– Аппетитную? – Я изо всех сил боролась с наваждением, но в голове уже появилась приятная легкость. – Ой, на вид о вкусе не судят... не знаете наверняка – лучше тогда не рисковать...

Безумно хотелось щелкнуть его по носу. И совсем он был не страшный, этот шакаи-ар... Немного походил на вампира из комикса... тем более что вампиры тоже кусаются... и тоже глотают кровь... правда, они ее пьют, а не тянут жизнь...

О боги, как все кружится...

– А я пока не знаю. Сейчас попробую и скажу. – Хитро прищурившись, он запрокинул мне голову и осторожно провел пальцем вдоль артерии. Плавное склонился вниз...

– Отойди от жертвы. *По слову смотрителей!*

Шакаи-ар ощутимо вздрогнул, но не сдвинулся с места, только сдавленно ругнулся. Я скосила глаза и...

Ненависть – яростная, замешанная на страхе и отвращении, вспыхнула в одно мгновение.

Смотрители.

Двое серых и один... ох, мамочки... белый. Маг. Он держал шакаи-ар – и меня тоже – на прицеле. Стрела, судя по характерному грейпфрутовому запаху, была смазана солнечным ядом.

Мой пленитель вздрогнул.

Ему сегодня определенно везло на редкие яды.

Шакаи-ар вызывал инстинктивный страх – «От худа не жди чуда»... но у меня в памяти почему-то вновь и вновь всплывала другая старая пословица: «Где беда, там и смотритель. А где смотритель, там еще две».

Инквизитор нетерпеливо дернул плечом, и это резкое движение словно выдернуло меня из полузабытья. Только вот никогда еще я не просыпалась из грёзы в кошмар.

Головокружение.

Ватные ноги.

Жаркое, влажное дыхание шакаи-ар, оставляющее на коже невидимые метки.

Жесткая хватка, острые когти, заполошный стук чужого сердца.

Что чувствует ребенок, которого прижимает к асфальту лапами сердитый дог?

А что, если собаку попытается пристрелить человек, который довел подружку этого ребенка до седых волос?

Страх?

Гнев?

Обиду?

Я чувствовала все одновременно.

– По слову смотрителей!

– И не подумаю! – Горловое, гадючье шипение, яростный блеск чуждых синих глаз.

Я боялась шакаи-ар до ватных ног.

Но инквизиторы мне нравились гораздо меньше.

– В последний раз повторяем – отойди от нее, тварь!

Смотрители. Военная униформа под балахонами – не важно, что ее никогда никто не видел.

Пыточные подвалы – не важно, что о них не принято говорить.

Смотрители...

Они якобы защищают не наделенную даром часть человечества от одаренной. На самом же деле – пытаются прибрать к рукам власть над всеми магическими расами и сословиями. Силой или подлостью – неважно.

Аллийцам – запрет на браки с людьми. Равейнам – строгие ошейники и постоянный надзор. Вedarси – в зверинец. Магов – в Орден.

А всяких там шакаи-ар – под нож.

Значит, я, как равейна, должна быть на стороне... шакаи-ар?

– Ты был предупрежден. Больше предупреждений не будет.

...Да. Потому что от смотрителей добра не ждут. И это их появление сразу после активации амулета... Удивительно вовремя. Вряд ли они просто мимо проходили.

Раз я уже влипла, почему бы не зарыться поглубже?

План родился мгновенно. От меня не требовалось почти ничего – просто открыться до предела, позволяя телепату, шакаи-ар, услышать.

«Эй...?»

Тишина. И потом, осторожное:

«Блокируй канал, свидетели мне не нужны. Чего тебе, малыш?»

Блокировать... еще б я знала, как. Ладно, пора переходить к изложению моего гениального плана. Боги, мама меня убьет, если узнает... Когда узнает... Так, надо мыслить позитивно. У меня все получится.

«Я сейчас устрою маленькую истерику, а ты смотаешься. Идет?»

Ответ пришел с небольшой заминкой. И совсем не такой, на какой я рассчитывала.

«Зачем ты-то в это ввязываешься? Приключений захотелось на свою за... голову?»

Надо бы разозлиться, но я смутилась.

«Не люблю инквизицию. И к тому же ты меня спас...»

А вот он точно разозлился.

«Спас! Как же! Какая романтика! А ты не думаешь, что если бы не инквизиция, я бы просто завершил охоту ужином? – Последовало секундное молчание. – Не думаешь? Иди-отка романтическая».

Инквизитор с арбалетом шагнул вперед. С такого расстояния при всем желании нельзя промахнуться.

«Но, с другой стороны, мне сейчас и помощь идиотки не помешает, – рассудительно изменил свое мнение шакаи-ар. – Ну, давай, спасай. Я полюбуюсь».

Голова закружилась, как перед прыжком с высоты.

Я открыла глаза и душераздирающе завопила, отталкивая от себя шакаи-ар:

– А-а-а! Вампир! Настоящий, настоящий! На помощь! – И шарахнулась. Причем «вам-пир» отлетел в одну сторону, а я – в другую, вцепившись – какое удивительное совпадение! – именно в смотрителя с арбалетом. Стрела, многозначительно свистнув у моего плеча, улетела в небо. Шакаи-ар – в лес. Беззвучно. Серые рванулись за ним, но вовремя сообразили, что даже вдвоем идти против такого хищника безоружными – самоубийство. Очень жестокое.

Серые мазохистами не были.

Я же продолжала концерт, несмотря на подступающую истерику. Смотрители, за неимением других дел, окружили меня заботливой стайкой. Все походило на театр абсурда. На сюрреалистический сон...

Ничего, пусть хоть раз поработают по профилю и успокоят кого-нибудь, а не упокоят.

– Не плачь, девочка. Его покарают. Смертью.

Меня колотило. Бездна, но пусть они не догадаются, что это смех, а не плач...

– То, что я несовершеннолетняя, не значит, что я глупенькая, – прохныкала я. «Глупенькая...» Конечно, теперь они в этом даже сомневаться не будут... но заодно вспомнят, что мне еще и восемнадцати нет. А дети – неприкосновенны, если они не пользуются даром. Сейчас я почти человек. Пожалуйста, пусть они помнят об этом... – По закону... по закону вы ничего не можете ему сделать. Ведь он не, это... не проявлял агрессии.

– А как же все это? – Один из серых неопределенно махнул рукой на мои ссадины.

У меня вырвалось хихиканье, которое уже никак нельзя было принять за всхлип. Ладно. С такими вопросами даже думать не надо, как переключить внимание со сбежавшего парня на сдохшую нечисть.

– О! – Я чувствовала себя кретинкой и выглядела, наверное, не лучше. – Это не он. Это т'лар.

– Кто? – воскликнули серые во всех смыслах слова персоны. Оно и понятно – силовики, что с них взять? Белый же цветом лица сравнялся со своим балахоном. Видимо, маги у них учатся на пару лет подольше.

– «Еловый мертвец», дух, – пояснила я. – На аллийском...

– Я знаю, как это звучит на аллийском, – раздраженно отозвался белый. – Куда убежал нелюдь?

– В смысле – вампир? – изобразила я непонимание. Смотритель поперхнулся на вульгарном «вампире», но, видимо, списал все на мое воспитание – а-ля «жертва культуры».

– Да нет же! Т'лар... дитя мое. – А вот «белый» инквизитор начал терять терпение.

Так, только не перегибать палку, мне еще рано в застенки.

– Он там. – Я обреченно махнула на воронку. Надеюсь, выжженная земля впечатлит их достаточно, чтобы не расспрашивать меня ни о чем.

Действительно впечатлила.

– И что же здесь произошло? – задумчивым голосом, не обещавшим ничего хорошего, спросил маг.

Я, постепенно успокаиваясь, рассказала обо всем, стараясь не упоминать о роли сбежавшего шакаи-ар в нанесении мне увечий. Хотя его подножка будет мне еще долго аукаться... На традиционный вопрос, была ли я честна «пред ликом Правды Взирающей», я ответила, что да, но память человеческая несовершенна, и может быть... Инквизитор поморщился, но ответ принял.

Надеюсь, дрожание голоса он отнес на шок и хроническую робость.

Я украдкой посмотрела на экран мобильного. Еще минут сорок, и след шакаи-ар они не возьмут при всем желании...

Белый как-то странно на меня взглянул. Мысли он, что ли, читал. Да нет, куда ему... Менталисты в дозоры не ходят, а сидят на самом верху, на хороших должностях, и в ус не дуют.

– Итак, не стоит медлить. Брат Давл и я отыщем и уничтожим мертвый лес, а брат Риак, – он указал на второго серого, – тем временем разберется с шакаи-ар. Слишком все это подозрительно. Уж не действовал ли он заодно с мертвецом?

Я подавила горестный стон. Что они к нему прицепились? Неужели все усилия по отвлечению внимания орденцев пропадут даром?

– А... А как же я? – вдруг ляпнула я в порыве блестящей импровизации. – Мама меня дома ждет! Пусть лучше брат Риак меня проводит. И вообще, вдруг тот, с когтями, опять на меня нападет? Пока вы его по городу ищите.

Белый задумался.

– Девочка права. Отпускать ее одну неразумно. Далеко ты живешь, дитя?

От слова «дитя» меня покорило, но я бодро ответила:

– Не больше пятнадцати минут, если быстрым шагом.

Серый просиял:

– В таком случае я успею и проводить девочку, и совершить обряд.

– Ура!

Я тайком скрестила пальцы. Было жутковато, но в сердце поселилась гордость за свой самоконтроль. Мне почти удалось обвести вокруг пальца Орден, великий и ужасный! Если потяну еще время, то все славные инквизиторские планы пойдут прахом. Надо только задержать этого, как его... Риака.

– Показывай дорогу, девочка.

Фыркнув про себя (они что, других обращений не знают?), я потянула серого к опушке леса. В крови до сих пор бродил адреналин, создавая иллюзию ясного мышления и бодрости. Двое зрителей, подумав, направились в чащу, старательно обходя сигнальные «шишки». Правильно, гнездо т'лара лучше уничтожить в первые полчаса... пока иномирский гость не подыщет себе другую оболочку, из «личинок».

К сожалению, окна моей квартиры показались слишком быстро. Сейчас этот тип вернется на поляну, и... Воображение нарисовало мрачные казематы, крыс и пыточный инвентарь, поместив на стену «украшение» в виде закованного в цепи окровавленного парня. А ведь у него такие красивые глаза... Я поежилась, стягивая остатки воротника. Воротник... куртка... иглы...

Есть!

– Ну, вот мы и пришли. Спасибо, что вы проводили меня. – Я порывисто обняла инквизитора.

Тот рассеянно приобнял меня... и резко отдернул руку.

– Что это?!

Я перехватила кисть и в притворном ужасе закатила глаза.

– Это иглы т'лара! Скорее, скорее, надо срочно приготовить противоядие! Мама сможет, она умеет!

– А кто твоя мама? – вяло поинтересовался инквизитор, еле переставляя ноги по ступеням. Лампочка на площадке опять перегорела, идти приходилось на ощупь.

– Госпожа Элен, – буркнула я, вдавливая звонок. Он никак не хотел работать. Бездна, ведь сто раз брата просила починить...

– Какая еще Элен?

– Верманова. Эстиль Элен из Зеленого города, если вам угодно. – Я врезала по звонку кулаком, наконец-то выбивая трель.

А инквизитора наконец озарило:

– Ты – дочь той самой Элен?!

Я кивнула. Да, той самой. Третья стихийная степень, прекрасное владение магией пространства и знаменитые на всю столицу амулеты и зелья. Когда-то она отстояла Право, но предпочла о нем забыть. Вот такая у меня мама. Жаль, я не в нее пошла. Внешне – копия. Но вот что касается таланта и характера... Вовсе не «вторая Элен».

Впрочем, думать о маме было некогда... Ведь она уже собственной черноволосой и зеленоглазой персоной стояла на пороге.

Глава 2

Как мы с мамой в спешке готовили противоядие и извинялись перед «достопочтимым зрителем» – отдельная история. Элен пришлось задействовать все свое влияние, чтобы меня не уволокли на «просветляющую беседу» в местное отделение Ордена. К счастью, инквизиторы – тоже люди, и пара довольно дорогостоящих амулетов из маминых запасов, пожертвованных на «нужды Ордена», умилировали обозленного зрителя.

Настоящие трудности начались, когда пришлось объяснять маме, как я вообще во все это влипла. История ей очень не понравилась.

К счастью, после нервного вечера Элен было слегка не до нотаций, поэтому она ограничилась парой сердитых замечаний.

– То, что ты, опоздав на электричку, мне не позвонила – возмутительно. Я уже не говорю о том, что обманывать Инквизицию себе дороже. Но меня больше беспокоит, куда делся шакаи-ар – как, кстати, его зовут? – и откуда он взялся... – Мама задумчиво подперла рукой подбородок. – В Зеленом не так много потомков Древних, и среди них нет ни одного синеглазого брюнета. Или хотя бы чистокровного шакаи-ар. И уж точно никто из местных не рискнул бы напасть на равейну. На мою дочь. Они чтят Договор и знают, с чего началась Вторая война.

Вторая война... Я поежилась. Прошло почти три с половиной тысячи лет, сменились сотни поколений равейн, но королевы из Замка-на-Холмах еще помнили своих сестер и матерей, погибших от шакарских когтей. А среди князей и старейшин были те, кто видел войну своими глазами.

Шакаи-ар боялись и ненавидели нас. А мы... мы отвечали взаимностью.

И все вместе ненавидели инквизицию.

– Возможно, он приезжий, – предположила я, выплывая из воспоминаний о зачитанных до дыр «Хрониках Второй войны». – Решил попить в чужом городе, перепрыгнуть ступеньку за счет неиницированной равейны. И развлечься заодно. – Меня передернуло при мысли о «мостике». – А сейчас на всех парах мчит в свой клан, жаловаться князю на нехороших инквизиторов. Кстати, а как вообще этот нахал посмел охотиться в городе без ведома Ирвина? – спохватилась я, вспомнив о главе шакарского клана в Зеленом. Ирвин, едва перешагнувший трехсотлетний рубеж, тем не менее держал город в ежовых рукавицах, не позволяя хищной молодежи бездумно охотиться на людей. Поздние прохожие частенько попадали в больницу с упадком сил, но смертельных случаев было крайне мало. В той же Золотой от рук простых грабителей погибало куда больше... – Может, он не собирался задерживаться? Шел транзитом, так сказать? Поэтому и не ставил Ирвина в известность.

– Возможно, – нехотя согласилась Элен. – Или он попросту сильнее старого доброго Ирва... – Мама посмотрела на мои округляющиеся от ужаса глаза и оборвала себя: – Не бери в голову. Одиночка может быть сильнее трехсотлетнего главы клана, только если он князь. А такому в нашем провинциальном городке делать нечего... Скорее всего, это был просто наглый гастролер. Завтра же я свяжусь с Ирвином. – Она улыбнулась и потянулась через стол, чтобы ласково провести пальцами по моей щеке.

Все беспокойство как рукой сняло. Разве может что-то по-настоящему плохое случиться со мной, пока рядом мама? В родном городе... в родном доме...

– Иди-ка ты спать, Найта, – посоветовала Элен, глядя на то, как я расслабленно откидываюсь на спинку кресла. – Если, конечно, все еще собираешься завтра на пикник.

– Пикник!

У меня мгновенно из головы вылетели и шакаи-ар, и инквизиция, и даже грядущие выпускные экзамены.

Надо же, я чуть не забыла, ради чего моталась сегодня – или уже вчера? – в столицу. Кстати, а рюкзак-то... Того. Вместе с провизией, скатертью и разными жизненно необходимыми для пикников мелочами.

Да, удружил шакай-ар...

– Мам... А ты не можешь?

– Нет. Это против правил.

Вздых.

– У меня из-за этого могут быть неприятности.

Очень грустный вздох.

– Ну, хорошо.

Мама сосредоточилась, прикрывая глаза. Из-под ресниц полыхнуло золотистым отсветом. Дрогнули нити бытия... Я тоскливо подумала, что мне никогда не добиться такого мастерства в управлении пространством, как ни учись. С алхимией проблем почти не было, но вот любое обращение к силе натывалось на глухую стену. Иногда мне начинало казаться, что без постороннего вмешательства я вообще никогда не пройду инициацию.

Элен со звучным хлопком свела ладони.

Рюкзак шлепнулся мне на колени. Тяжеленный!

– Мама, ты чудо! – Улыбаясь до ушей, я полезла обниматься с мамой. Она шуточно отмахнулась:

– Иди-ка ты спать... чужина дочка.

И я пошла. И заснула, что интересно, почти мгновенно – не иначе, мама в чай подмешала успокоительных травок.

Если честно, мне показалось, что спала я не четыре часа, а четыре минуты. Только закрыла глаза – и вот уже в уши начал ввинчиваться противный звон. Сон сползал с меня, как нагретое одеяло холодным утром. Я тянулась обратно, в мир грез... Но спать под такую какофонию было просто невозможно. Будильник надрывался сбрендившим петухом, не реагируя ни на мысленные пожелания заткнуться, ни на сдавленные угрозы в подушку.

Не глядя, я выпростала руку из-под одеяла и дернула за нить.

Треньканье сменилось надрывным визгом.

По нити прошел слабенький откат, дергая меня, как электрическим разрядом.

– Ай! – подскочила я, диковато озираясь.

За окном светало.

«Спасибо, мамочка», – вздохнула я про себя. Не поленилась ведь зачаровать несчастный будильник... Мне бы такие трудолюбие и внимательность – наверное, школу бы закончила с отличием.

Сбросив одеяло и решительно тряхнув головой, я пересекла комнату и вручную отключила злосчастный будильник. Ух, наверняка эту гадость Орден изобрел... В комнате воцарилась тишина.

Но сон уже ушел, и пришлось на негнущихся ногах тащиться в ванную. Краем глаза я заметила, что мама, бодрая, как хозяйка кофейни, уже готовила бутерброды. Завистливо вздохнув – мне бы в сотню лет довольствоваться всего парой часов для сна! – я забралась под душ, включая воду похолоднее.

О-хо-хо! Похоже, вот он – секрет маминой бодрости!

Когда я вышла из ванной, Элен сразу вручила мне рюкзак, потяжелевший на пару килограммов.

– Спускайся вниз. Айне тебя уже ждет. Не передумала насчет завтрака? Может, поешь немного?

– Не-а, – зевнула я, закидывая рюкзак на плечо. По утрам аппетит у меня отсутствовал напрочь, просыпаясь лишь к полудню. – А с волосами что делать?

Элен понимающе качнула головой и всплеснула руками. Заклинание пульсирующим отсветом сорвалось с кончиков пальцев. Я задумчиво дернула высохшую прядь и разгладила мятую футболку, краем глаза наблюдая за своим отражением в оконном стекле.

Пугало пугалом. Но теперь хоть сухое.

Я потянулась и чмокнула маму в щеку:

– Спасибо!

Элен только вздохнула, скрешивая руки на груди. Волосы, черные и блестящие, как в рекламе шампуня, идеальными волнами лежали на ее плечах. Несколько локонов красивыми спиральками обрамляли лицо... Держались они без всякого лака, разумеется. На одних заклинаниях.

– Лучше сама колдовать научись, горе мое, – посоветовала мама, ласково и немного грустно глядя на меня.

– А я умею. – Щеки у меня запылали, и я смущенно ковырнула мыском плитку. – Только лучше мне этого не делать, сама знаешь, что иногда с этими нитями получится... А вот ты – просто супер! – заискивающе улыбнулась я, нашаривая в кармане резинку для волос.

– Подлиза, – хмыкнула мама, проводя рукой по моим волосам и аккуратно скрепляя их заколкой у шеи. Пряди распутались сами собой, словно их перед этим тщательно расчесали. – Иди, но, чур, звони каждые два часа. И обязательно по дороге позавтракай, солнышко. Не позже десяти часов. Испортишь желудок – сама будешь у Дэриэлла просить снадобья, – шутливо пригрозила она, а я разулыбалась, вспомнив добрые глаза целителя. Ничего, с ним мы общий язык найдем... По сути, мы на этом общем языке говорим уже много лет. – Если что, телепортируйся – амулет в боковом кармане. Разберешься?

– Конечно! Пока, мам!

Я послала воздушный поцелуй и торопливо махнула рукой, неловко сбегаая по ступеням.

Айне уже стояла у подъезда. Она немного сердито постучала пальцем по циферблату часов и наградила меня неодобрительным взглядом.

Я только фыркнула и закатила глаза. Пророчица – и не знала, что кое-кто сегодня задержится. Ну ни за что не поверю!

Эх, значит, подруга просто меня воспитывала. Как всегда... Пора бы уже и привыкнуть.

Айне, словно угадав мои мысли, улыбнулась. Складочка между бровями разгладилась. Я невольно улыбнулась в ответ – когда Айне не хмурилась, она становилась просто красивой.

Сегодня к тому же пророчица была без маски. Не спрятанные за иллюзией матово-золотистые волосы пушистым облаком словно парили над плечами. Легкие и тонкие, они забавно топорщились на затылке, сдерживаемые только темно-коричневым бархатистым обручем. Светло-карие – нет, все-таки темно-желтые! – глаза были насмешливо сощурены. Тонкие, чуточку нервные пальцы обхватывали локти.

– Привет. Извини, что опоздала. Я проспала, – сделала я слабую попытку оправдаться, не желая признаваться в том, что просто-напросто переставила вчера вечером стрелку на полчаса назад, а сегодня вдобавок еще и провалялась пятнадцать минут под дребезжание будильника.

Айне фыркнула и развернулась, быстрым шагом направляясь к углу улицы. Пророчица и не сомневалась, что я тут же последую за ней.

– Кто бы сомневался, Найта... Наверняка часы остановились? Или звонок не услышала?

– Да нет, просто проленилась, – вздохнула я, сознаваясь. Подстраиваться под широкие, уверенные шаги пророчицы мне было нелегко, как будто тяжелое одеяло сна все еще давило на плечи. – Ты долго ждала?

– Нет, – пожалала плечами Айне. – Я-то знала, что ты задержишься.

– А остальные? – поинтересовалась я, забегаая вперед и заглядывая пророчице в глаза. Она задумчиво сощурилась:

– Феникс опоздает. Как всегда, впрочем... А Джайян тоже проспит. Ну а Этна... Вот с ней могут быть проблемы.

Я зябко передернула плечами и поежилась. Этна – действительно проблема. По жизни. Для окружающих, разумеется... А если сегодня ей пришлось ждать...

Этна, к сожалению, – это не только вулкан где-то очень далеко. В Зеленем у нас тоже есть свое бедствие... Этна – это еще и рыжеволосая равейна семнадцати лет с взрывным характером и немаленькими способностями. Благодаря ее склонности к Сфере Земли Зеленый город в последние годы не раз сотрясали локальные землетрясения... Это в средней-то полосе! Далеко от границ тектонической плиты! Ну, на физику реального мира Этне, как любой равейне, было всегда чихать...

Кстати о птичках.

– И где вы были? – вкрадчиво и весьма многообещающе поинтересовалась рыжая равейна, замерзающая в коротенькой спортивной курточке. И взорвалась: – Я тут уже сорок минут жду! На ветру! Стою, как дура, понимаете ли! Скоро ко мне с вопросом «сколько» уже подходить будут!

– Э-э... Я... Мы... – заблелая я, инстинктивно прячась за спину Айне. Пророков не убивают, это табу. Авось и меня прикроет...

Глядя на мою виноватую физиономию в контрасте с невозмутимо-ироничным лицом Айне, Этна сменила гнев на милость и успокоилась.

Ну, по ее меркам, разумеется.

– Ладно, идем уже. – Она кровожадно пнула бордюр и подтянула перчатки без пальцев. Накрашенные черным ногти хищно блеснули. – Айне, а где остальные?

Пророчица задумалась лишь на секунду. Пальцы отбили по дереву нервную дробь.

– Скорее всего, на конечной, это я и без дара предскажу, – улыбнулась она. – Наверняка Феникс как раз подходит. А вот Джайян, думаю, придется подождать.

– Долго? – мрачно поинтересовалась Этна. Ярко-зеленые – ведьмина кровь! – глаза сверкнули из-под рыжей челки.

– Нет, – хмыкнула Айне, на всякий случай отступая на шаг в сторону. – Не дольше, чем ты уже ждешь.

– Вот идиотство, а? – выругалась Этна и тряхнула головой. – Надо было попозже выйти. Нет, понадеялась ведь на вас...

Айне возвела очи к небу. Я улыбнулась.

Все как всегда.

Народу в пять утра на улице не было, и поэтому мы обошлись без масок, ретуширующих внешний облик. Впрочем, мне с моей заурядной наружностью это и не требовалось. Но что остается, скажем, Айне с ее золотыми очами пророчицы? Или Этне с типично равейновской огненно-рыжей шевелюрой и пронзительно-зелеными глазами? Родство с Изначальными накладывает на равейн отпечаток, и с этим ничего не поделаешь. В Средние века нас, кстати, так и ловили – по внешним признакам.

Славные времена были для Ордена... И жуткие – для всех остальных.

Честно говоря, Этне и Айне не особенно досаждали – ну, пристанут там или шарахнутся в сторону. Что кому в голову взбредет – неприятно, но терпимо. Так что для этой парочки маска была, скорее знаком статуса. А вот экзотический для человека облик Феникс –

серебряные волосы, белейшая кожа и дивные льдисто-голубые очи – доставлял ей немало проблем. Совершенно реальных. Наверное, если бы по улице прошла поп-звезда, это не вызвало бы такого ажиотажа, как появление Феникс.

Уж слишком она была красивой. И это провоцировало на агрессию неумных, заставляло завистливых кидать неодобрительные взгляды... Не говоря уже о назойливых поклонниках.

Впрочем, с любой проблемой Феникс могла разделаться одним взмахом руки. В буквальном смысле – развеять по ветру.

Ну, вообще это были характерные трудности для равейн. Наслушавшись рассказов маминих подруг, я предпочитала маскироваться естественными способами, благо внешность позволяла. Опустить глаза – и никто не заметит редкий светло-зеленый цвет, гордость и отличительный знак нашей семьи. Заплетешь волосы в лохматую косичку – и длина в глаза не бросается. Манеру одеваться я переняла у Дэриэлла. Но если он даже в мятых джинсах и футболках выглядел замечательно – аллиец все-таки! – то я именно так, как и хотела: серо и незаметно.

Моим особым достижением было то, что в последней школе, где я отучилась два года, меня так и не раскусили. Ни парни, обычно проявляющие к новеньким повышенный интерес, ни девушки, проявляющие другой интерес, со знаком «минус».

Такое положение дел меня устраивало полностью.

Как-то раз Айне решила поиграть в психолога и сказала, что я нахожусь «в тени своей матери и подсознательно пытаюсь быть непохожей на нее». Ну и добавила что-то там о «желании спрятаться от всего мира». Ерунда. Просто мамин роскошный стиль – платья и каблуки – не подходил костлявому подростку вроде меня. А что касается популярности в школе... Я всегда четко знала, чего хочу. Учиться алхимии у Дэриэлла, развивать свой дар и быть полезной близким людям.

Флирт с одноклассниками не попадал ни под одну из этих категорий. А приятельство... Зачем кому-то общение с полужнакомыми людьми, если есть настоящие друзья?

Например, такие, как Феникс.

– Приветик... – сонно улыбнулась сереброволосая равейна.

Как будто она не выспалась. Впрочем... Я задумалась. Вполне возможно, кстати. Ведь обычно огненная мастерица приходила последней, а тут – добралась до места вовремя, значит, встала рано.

Прочитав последнюю мысль в моем сочувственном взгляде, Феникс состроила обиженные глаза и почти кокетливо оправила серебристые пряди, невесомым гладким шелком взметнувшиеся от порыва ветра. Из-за этих вот прядей и постоянно витающих в облаках мыслей я сначала думала, что она имеет родство со Сферой Ветров. И промахнулась. Феникс оказалась эстилю огня, чуть ли не с рождения. Меня это всегда поражало. Третий ранг в ее возрасте, капризная стихия – и при этом идеальный самоконтроль. Феникс была спокойная, чуть отстраненная и напоказ легкомысленная – назло всем стереотипам.

А еще она была моей самой близкой подругой.

– ...прием! Прием, Земля вызывает Найту! Как слышно? – пропела эта самая «близкая подруга» и прищелкнула пальцами, рассыпая золотистые искры.

– А? – очнулась я. – Я что-то пропустила?

Этна посмотрела на Феникс, на Айне... И вся троица захихикала самым злодейским образом.

– Что-то ты сегодня отбиваешь лавры Феникс. Влюбилась, что ли? – шутливо поинтересовалась Айне, но взгляд ее был настороженным.

Пророчица, что с нее возьмешь. Проницательней были только телепаты.

– Нет... нет, конечно, – улыбнулась я, встряхивая головой и прогоняя ненужную задумчивость. – Просто случилось кое-что вчера... Вот я и задумалась о смысле жизни.

Я не собиралась им ничего рассказывать о вчерашних событиях. Мы с мамой еще не решили, стоит ли держать это в секрете. С самого утра мысли мои крутились вокруг совершенно неожиданных вещей, перескакивая с одного на другое. Так, как будто подсознание само гнало от себя воспоминания.

Но тут, после ничего не значащей шутки Айне, у меня словно в голове переключатель щелкнул.

Я очень четко осознала, чем могли закончиться мои вчерашние приключения. И испугалась.

А от страха я всегда становилась жутко болтливой.

– Девочки... – слабо прошелестела я, чувствуя сильное головокружение. – Мне надо вам кое-что рассказать...

Они слушали внимательно, не перебивая. О глупом опоздании на электричку, о пугающих ночных улицах, о парне шакарских кровей и о подозрительно своевременном появлении инквизиции...

Когда я закончила, голос у меня уже не дрожал, словно все эмоции выплеснулись в словах.

– То есть, – задумчиво протянула Феникс в наступившей тишине, – он тебе понравился?

Я поперхнулась глотком воздуха. Чего?! Здесь кто-то начитался романов?!

– Ну да, он в твоём вкусе: высокий, темноволосый, изященький, – добавила Этна, механически накручивая на палец рыжую прядь. – К тому же немного опасный. И уязвимый – как от серых драпал, а?

– Немного?! – осторожно переспросила я, отступая на шаг назад. В глазах Феникс светилось странное предвкушение. Айне глядела сочувственно. Этна смотрела с превосходством – мол, она бы от инквизиции не сбежала. – Немного?! Уязвимый, говорите? Он мне чуть шею не сломал, поставил кучу синяков и вдобавок хотел вытянуть из меня энергию! Вся структура – в клочки, полгода потом по целителям – вот что такое укус шакаи-ар! Это в лучшем случае! Я же сопротивлялась, я не была открыта – он бы не стал заботиться обо мне и просто размазал бы ауру! Или мозги бы задурил так, что сейчас я бы сама за ним бежала на край света! – У меня на глазах выступили слезы запоздалого испуга. – Вы хоть думаете, что говорите? Да я больше всего на свете боюсь, что он вернется! Вы хоть представляете себе, что значит быть абсолютно беспомощной?! Да в этом ничего романтического нет!

– Тише, успокойся. – Айне дотронулась до плеча, и я сникла. Грудь ходуном ходила, как будто мне пришлось пробежать кросс на десять километров. – Может, и вправду боишься. Но рассказывала ты так, как будто...

– ...как будто влюблена в него по уши, – закончила за нее Джайян. – Ты за время рассказа раз пять сообщила нам, какие у него красивые синие глаза... Ну и хватай этого парня, раз нравится! – упрямо заявила валькирия, вскидывая подбородок. – А бояться не надо. Если что – соберемся всем шабашем и наkostenяем! Или Ирвину нажалуемся – пусть приструнит гастролера!

Я мрачно посмотрела на подкравшуюся (судя по всему, давно уже) подругу. Да, она-то, может, и наkostenяла бы, если что-то бы случилось. Но меня-то это вряд ли бы вылечило. А постоять за себя сама, как показало вчерашнее происшествие, я не могла.

– Ладно, – вздохнула я, проводя руками по лицу. Надо же, правда слезы на щеках... – Проехали. Был шакаи-ар – нет шакаи-ар. И ловить его поздно, кто бы кому ни понравился. Скажите лучше, что мне с инквизицией делать? Я там вчера такую кашу замутила, что теперь меня точно возьмут на заметку...

Этна гневно сверкнула глазами и начала говорить что-то резкое и не очень лестное для инквизиции, но Айне жестом заставила ее замолчать. Взгляд желтых глаз был внимательным и тяжелым. Невыносимо, убийственно тяжелым. Нечеловеческим.

Мамочки, только настоящего предсказания мне не хватает для полного счастья...

Пророчица дернулась и нервно провела рукой по лицу.

– Знаешь, Нэй... Ничего не делай. – Айне рассеянно переименовала мое имя на аллийский манер. – Все уладится. Само. Не знаю, когда и как... Но уладится. При непосредственном участии твоего шакаи-ар.

– Он не мой! – автоматически огрызнулась я.

Пророчица понимающе усмехнулась и подняла брови:

– Ну-ну. Думай, как хочешь, но я видела, что вы цело...

– И не лезь в мою судьбу! – рявкнула я, не давая закончить фразы.

Если пророк произнесет предсказание – это повлияет на будущее. Обязательно.

Мне такого не надо.

Феникс жалобно переводила взгляд с меня на Айне.

– Девчонки, вы же сейчас не ссоритесь, правда?

– Нет! – дернулись одновременно мы с пророчицей.

– Ну и нечего из-за всякой фигни психов гонять, – решительно встряла Этна. – Потому что сейчас мы все вместе идем на пикник. И хрен с ними, с шакаи-ар. И с мужиками вообще.

– И с инквизицией, – серьезно добавила Джайян. – С ней – самый едкий хрен.

К великому сожалению, моя физическая форма всегда оставляла желать лучшего. На минимальные нагрузки сил еще хватало, но стоило произойти чему-нибудь из ряда вон выходящему, требующему настоящих усилий, – и организм подводил. Ноги уставали уже на третьем часу пешей прогулки, дыхание сбивалось – зато во мне просыпалось что-то вредное и мрачное, жутко недовольное жизнью.

В итоге затянувшаяся прогулка доставляла неприятности и окружающим.

Брат часто пенял мне на лень и нелюбовь к спорту... Я отвечала, гордо задрав нос, что девушка не обязана быть сильной. Он хмыкал и говорил, что жизнь рассудит.

В такие дни, как сегодня, я готова была согласиться с Хэлом. Даже Феникс, хрупкая и маленькая, шла себе с тяжеленным рюкзаком и не жаловалась...

А я каждый четвертый спуск с холма проводила на пятой точке. Вот и сейчас, подвернув ногу, влетела в заросли ромашки... и так там и осталась, глядя в безупречно голубое утреннее небо над головой.

Ноги болели. В животе урчало от голода.

Хотелось либо сдохнуть, либо наконец позавтракать.

– Почему бы не устроить пикник прямо здесь? – простонала я, прикрывая глаза. Солнце било в глаза.

Может, меня пожалеют?

Ну да. А еще снег пойдет на Черном континенте. Летом.

– До реки осталось совсем немного. – Джайян негуманно попинала меня в правый бок и подозрительно заглянула в лицо: – Жива? А ну, вставай!

– Мне и здесь неплохо. – Я трусливо перевернулась, прикрываясь рюкзаком. Валькирия обошла меня и попинала с другой стороны.

– Пойдем! Все уже вон где! – Она неопределенно ткнула пальцем в сторону подъема. Высокого. О боги... мне надо это выдержать. Достоинство, как дочери Элен.

– Ну, хоть бы помогла подняться... – проворчала я, медленно поднимаясь на ноги и изображая при этом мученицу. – Ой, я ж пошутила!

В спину вдруг ударил сильный поток воздуха, как будто его направили из шланга. Заколка расстегнулась и свалилась в траву, волосы облепили лицо. Визжа, я буквально взлетела на холм и опять брякнулась на колени, собирая волосы в подобие хвоста.

Джайян, насмешливо поглядывая, опустилась рядом и протянула мне заколку.

Я сцапала ее и скрепила растрепанные пряди. Ну вот, теперь еще расчесываться... Мамино заклинание слетело.

– Так нечестно! – одарила я подругу мрачным взглядом.

– А задерживать всех – честно? – резонно спросила она.

Я мстительно дернула за нить бытия, посылая к Джайян слабый электрический разряд, но валькирия легко поймала его, как люди ловят руками мыльные пузыри, и развеяла по ветру.

У меня от иррациональной обиды аж слезы на глаза навернулись.

Ну что такое! Даже Джайян, которая на два года младше меня, и та сильнее...

– Обиделась? – ничуть не раскаиваясь, поинтересовалась валькирия и шевельнула пальцами, призывая ветер.

Я искренне хотела ответить «Да», рискуя попасть под очередное заклинание Джайян, но тут, спасительно зазвонил старенький мобильный.

– погоди, – махнула я Джайян и вылезла из лямок рюкзака. Молния, как всегда, заела, а звонок пошел по второму кругу.

А, бездна, как не везет!

– Кто это такой настойчивый? – поинтересовалась Джайян, глядя, как я пытаюсь выкопать мобильный из-под горы вещей. Так и не науськанный на меня ветерок игриво поддевал медовые прядки валькирии, ластясь, как щенок. Я подавила мгновенный приступ зависти.

Меня нити так не приветствуют.

– Мама, наверное. Я же ей обещала звонить каждые два часа и забыла... Алло. Да, Элен. Нет еще. Идем. Что?! О боги. Да. Поняла. Хорошо. Сейчас.

Я сунула мобильный в карман и повернулась к Джайян. Усталость как рукой сняло. По венам побежал чистый адреналин.

– Надо быстрее догнать остальных.

– Сразу бы так, – обрадовалась Джайян и помрачнела, увидев мое сосредоточенное лицо. – Эй, а что случилось?

– В разных частях города нашли четыре трупа. Все – молодые неинициированные равейны. – Мой голос звучал хрипло. – У всех – энергетическое истощение. Других травм не обнаружено... Но у одной на запястье синяк.

Джайян сглотнула. Ветер закружился у ее ног маленьким нервным торнадо.

– Только без паники. Думаешь, это он? – Она приподняла брови. Я не отреагировала, только ускорила шаг. – Ладно, догоним остальных и телепортируемся. А, Найта? Эстиль Элен оставила тебе амулет?

– Да. В рюкзаке. Боковой карман.

Джайян молча подхватила меня под руку. Рюкзак сразу стал легче, попав под действие колдовства валькирии.

Я благодарно кивнула, но руку отняла.

Меня колотила дрожь.

Девчонки ждали нас на поляне у ручья. Айне выглядела встревоженной – наверное, дар предупредил ее о неприятностях. Феникс с Этной собирали ромашки и спорили, где расстелить скатерть.

«Плакал наш пикничок», – отрешенно подумала я.

А место было очень красивое...

Джайян торопливо и эмоционально объясняла расклад, пока я искала амулет – золотистый камешек угловатой формы. Потом мы встали в круг и взялись за руки – рефлекс, усвоенный с детства. Прикосновение облегчает взаимодействие.

Все просто. Колдовство вообще простая штука.

Я никогда не любила телепортацию. Чувство во время переноса такое, будто рассыпаться песком. Гораздо больше мне нравились порталы – червоточины пространства. Но они требовали ритуалов, солидных энергетических затрат и больших материальных носителей. И потому в быту часто использовались такие простые камешки-телепорты, которые делались заранее, настраивались на одно место и включались одним прикосновением дара.

Но на сей раз вместо того, чтобы активировать амулет, импульс разорвал его на кусочки.

– Как?.. – Феникс ошалело уставилась на каменную крошку.

Этна невнятно выругалась и с остервенением топнула ногой, не разжимая, впрочем, ладони.

Я обвела невидящим от дурноты взглядом окрестности...

Меня бросило в пот.

На другом берегу ручья, у самой кромки леса, появился высокий темноволосый парень. Кожа его была белой, как мел. Он махнул рукой, словно в издевательском приветствии.

Страх, какого я еще никогда не испытывала, сжал горло.

Четыре трупа... «гастролер»... Еще... пять?

«Нет! – билось в висках пульсом. – Не позволю. Так нельзя. Это неправильно».

Во мне что-то словно перемякнуло. Я балансировала на грани погружения в «память матерей», но, конечно, этого не могло быть – ведь инициация мне еще только предстояла.

Глаза Айне полыхнули волчьей желтизной.

И я вдруг осознала, что должна делать.

Выход оказался до жути простым.

Стараясь не обращать внимания на парня, который уже не шел, а бежал к нам, я встала в середину, поменяла местами Айне и Джайян.

– Сюда, быстро... Огонь и воду нельзя вместе. Феникс... Возьмитесь за руки.

– Ты знаешь, что делаешь? – почти испуганно спросила Этна. Впервые я видела ее... такой. Почти неуверенной.

Земля, кажется, дышала под ногами, как живое существо.

– Нет.

Мир заволокла странная пелена. Предметы быстро теряли очертания, превращаясь в путаницу из разноцветных нитей, сквозь которые едва просвечивала привычная реальность. Ауры подруг вдруг вспыхнули, рассыпая блики, как драгоценные камни в ярком свете. Я на мгновение даже огорчилась – так блекло я выглядела на фоне Феникс, сияющей, как маленькое солнце.

Мы четверо словно впитывали ее свет... и начинали гореть ярче.

Ощущение опасности накатывало почти материальными волнами. К неясной фигуре шакай-ар присоединились другие. Клан? Подмога? Не важно...

Мои пальцы с силой дернули сплетения нитей, создавая новый узор, искусственно-совершенный. От Феникс дохнуло раскаленным ветром, Айне до боли вцепилась в ладонь Этны... Земля покачнулась, и тут я упала на ковер.

Тот самый, в маминой комнате.

О боги, дома... в безопасности.

– Как ты себя чувствуешь? – Феникс робко дотронулась до моего плеча.

Это еле заметное прикосновение обожгло, как капля свечного воска голую кожу.

– Странно. Мне кажется... – Я судорожно вцепилась в спутавшиеся волосы. Дурнота накатывала волнами. – ...Мне кажется, я сама себя инициировала. А контур замкнула на вас. По кругу. И если мы до сих пор живы, то...

– Вы – природная звезда. Четыре стихии и точка фокуса.

Голос был знаком. Но я даже головы не повернула. Мне было плохо. Звуки долетали, как сквозь стекло.

Треск грозового разряда. Вспышка. Еще одна. Порыв ветра. Снова вспышка...

– Эй, спокойнее, девочки! Я не сделаю ничего плохого.

– А мне по фигу! Катись отсюда, ублюдок!

Кажется, Этна. Злющая.

– И как вы сюда попали?

В безупречно-вежливом голосе пророчицы нет-нет да и проскальзывали едкие нотки.

– Зацепил телепортационный контур. Ну только без глупостей! Девочки, при всем уважении... все, что вы можете сделать, – это повредить мою рубашку. На шакаи-ар не действуют чистые энергетические удары. Вот, я же говорил... Пустите.

Желудок рванулся к горлу. Ох, хорошо, что я сегодня так и не поела... Мир завертелся. Кто-то ойкнул, на кого-то шикнули, кому-то отдавили ногу – судя по звуку, – каблуком... И все стихло.

– Малыш... Все в порядке?

Прохладные пальцы пробежались по коже, на мгновение задержавшись на слабо пульсирующей жилке на шее. Заботливые руки укутали меня в мягкую ткань, подняли наверх. Голову закружил странный аромат: то ли травы, разогретой солнцем, то ли прохладного ночного ветра...

– С ней все будет хорошо. Это следствие слишком ранней инициации.

«Какой умный», – хотела съязвить я, но почему-то вместо этого прижалась щекой к его плечу.

Теплый. Надежный. Не несущий опасности.

Мои инстинкты сошли с ума, наверное.

А зрение, кажется, отказало. Значит, если вспомнить уроки Дэриэлла, следующим будет звук, а потом наступит обморок.

Хорошо, если не кома.

– Она приняла на себя ваши перегрузки, перевела напряжение между диаметрально противоположными стихиями в контролируемый резонанс и направила образовавшуюся энергию на телепортацию. Обычная работа фокуса. Это просто шок.

У него были такие сильные руки... Наверное, эти руки могли и убивать... могли убить и меня... но этот запах... и тепло... бездна, как хорошо...

– Куда вы? Подождите! И отпустите Найту!

Чего ты боишься... пророчица... неужели ты не знаешь, чем все закончится? О, Айне...

– Я должен выступить на Совете королев. Она будет моим свидетелем. И попутчицей. Милый ребенок – я верну ее в целости и сохранности к мамочке, когда все закончится. Не переживайте, ведьмочки.

Он рассмеялся. Звук его смеха закружил меня, унося по волнам беспомыслия.

– Отпусти ее, ты, придурок!

Вспышка.

Кажется, Феникс все-таки освоила плетение огненной волны.

Мою кожу опалило нестерпимым жаром, я закричала, и вдруг стало темно.

Глава 3

Кажется, я спала. И в этом полусне-полубреде меня снедало смутное чувство недовольства всем и вся. Как во время болезни – то одеяло слишком теплое и тяжелое, то из форточки сквозняком тянет... То тянет кто-то руки к лицу почему зря и тычет в щеки мокрой тряпкой... То двигатель работает слишком громко...

– ... и вообще, какие придурки так водят? – обиженно пробормотала я и окончательно проснулась.

Машину подбросило на очередной кочке. Зубы у меня клацнули так, что еще немного – и одна равейна осталась бы без языка.

То, что я приняла за бредовый, горячечный сон, оказалось реальностью.

За окном с пугающей скоростью мелькали деревья, подступившие к трассе почти вплотную. Небо над головой уже потемнело, налилось ночной синевой, но впереди, там, куда вела дорога, оно все еще полыхало оранжево-багровыми красками.

Прелестная аллегория.

Влево смотреть не хотелось. Я и так знала, кто сидит за рулем, но видеть этого... человека не имела ни малейшего желания.

Честно говоря... боялась.

Итак, меня похитили. Из-под носа у мамы, эстиль Элен, известной своим крутым нравом не только в Зеленом городе, но даже и в Золотой столице. Уволокли, как безвольную куклу, не опасаясь гнева моего брата Хелкара, молодого, но очень способного некроманта. Более того, даже четыре равейны немаленькой силы ничего не смогли поделать с похитителем.

Даже Феникс. Даже пророчица Айне, которая всегда знала все наперед!

Значит, я тем более не смогу ничего противопоставить этому... шакаи-ар. Боги, неужели он действительно князь? Зачем ему могла понадобиться неиницированная равейна, молоденькая и глупенькая девчонка?

«А зачем обычно подозрительным мужикам нужно девушек похищать?» – подсказал здравый смысл почему-то голосом Айне.

Горло сдавило. Умирать не хотелось. Умирать мучительно не хотелось втройне. Может, попытаться сбежать? Отвлечь его... как-нибудь... и...

– Вряд ли получится, – доброжелательно и даже чуточку виновато заметил он.

Машина снова налетела на колдобину, и это помогло скрыть позорный всхлип. Я судорожно растерла ладонями щеки, да так и не смогла отнять руки от лица.

Слезы текли не переставая – горячие, обидные.

Никогда не думала, что буду так плакать от каких-то мыслей. Не от боли, не от запаха лука, а от страха, граничащего с отчаянием.

– Тебе это с рук не сойдет, – прошептала я тихо, словно надеясь, что он не услышит.

Но ему было достаточно и мысли.

– Я догадываюсь.

У него был неправильный голос и неправильные интонации. Слишком мягкие, слишком успокаивающие, слишком понимающие для убийцы.

– Мама весь Совет поднимет на ноги.

– Не сомневаюсь, – легко согласился он.

– Лучше бы вам меня отпустить, пока не поздно. – Я хотела пригрозить, но получилось жалко. Слезы и сопли еще никому не добавляли внушительности.

Шакаи-ар невесело усмехнулся:

– Боюсь, уже поздно.

Три простых слова словно отворили невидимую плотину.

– Пожалуйста... – вырвалось у меня против воли. И я наконец зарыдала в голос, давась всхлипами. Разве что не подвывая по-бабы – стыдно было.

Мой похититель не мешал мне. Не ругался, не отпускал язвительных замечаний. Кажется, он даже скорость сбросил. По крайней мере, машину уже не так потряхивало.

Когда поток слез иссяк, а всхлипы превратились в икоту, шакаи-ар деликатно заметил:

– Салфетки в бардачке, прямо перед тобой. И влажные тоже. Бутылка с холодной водой между сиденьями. Я еще не открывал ее, так что можешь пить прямо из горлышка.

Я хотела сказать: «Да подавись ты своей бутылкой!», но вместо этого тихо поблагодарила:

– Спасибо.

Пить и вправду очень хотелось. А зареванная физиономия, отражавшаяся в боковом стекле, заставила воспользоваться и салфетками тоже. Мама бы точно не одобрила неряшливости.

– Начало у нас – хуже не придумаешь, – констатировал тем временем мой похититель. – Так дело не пойдет. Конечно, проблему бы решило небольшое телепатическое внушение... – Я испуганно вжалась в кресло, жмурясь, будто это могло бы меня спасти от ментальной атаки. – ...но мне нужна не кукла, а нормальная, вмняемая спутница. Поэтому предлагаю просто начать все с чистого листа. Ты есть хочешь?

Наверное, легкое телепатическое внушение все же имело место. Или я действительно проголодалась до безобразия. Потому что вместо гордого отказа у меня вылетело скромное и застенчивое:

– Хочу.

– Вот и я тоже, – искренне обрадовался чему-то шакаи-ар. – Может, перекусим на ходу? Например, бутербродами?

– А где их взять? Вы захватили мой рюкзак или заранее позаботились? Не думала, что... – «Вы на это способны», хотела сказать я, но передумала. Пока шакаи-ар вел себя деликатно, как аллийский целитель, но лучше было бы прикусить язык и обойтись без провокаций.

Здесь мне никто не поможет. Грозная мамина репутация не придет на помощь, если я начну делать глупости.

Мой похититель одобрительно хмыкнул. Наверняка мысли подслушивал.

– Представь себе, малыш, позаботился. В первый раз, думаешь, похищаю девиц? – подначил он меня. Против ожиданий я не разозлилась, не испугалась, а смутилась. – Так что опыт имеется... Знаешь, достань-ка и мне один бутерброд. Там, в сумке, на заднем сиденье...

– А разве шакаи-ар едят человеческую пищу? Голод вроде... – начала я и осеклась, испугавшись, что вопрос прозвучит как предложение.

Ответом мне был тихий смешок.

– Ну, если ты хочешь угостить меня чем-то *особенным*, я только «за»... Чтoб оно в бездну провалилось!

От неожиданности я вздрогнула и, забыв, что собиралась игнорировать своего похитителя, обернулась.

Шакаи-ар сидел даже ближе, чем мне думалось. Одну руку он высунул в окно, сосредоточенно поправляя зеркало. Волосы трепетали в потоке воздуха, как темное алхимическое пламя. Закатные отсветы перекрашивали их из черного цвета в багровый и превращали красное и юное лицо в древнюю бронзовую маску.

Сердце отчего-то сжалось, и страха перед будущим стало чуточку меньше.

Я сразу же вlepила себе мысленную пощечину. Страх – полезное чувство. А симпатия к убийце – опасное.

Шакаи-ар никак не отреагировал на мои размышления, будто бы и впрямь был поглощен попытками поправить боковое зеркало.

– Опять перекошилось. На все колдобины реагирует, зараза, – пояснил он, не глядя на меня. На очередной кочке машина подлетела, и злосчастное зеркало повисло, как ухо у спаниеля. – А, ладно, это бесполезно! – Шакаи-ар махнул рукой и откинулся на сиденье. Стекло он поднимать не стал.

Зеркало мотнулось, готовое оторваться в любое мгновение... и у меня сработали рефлексы. Угол зрения изменился, высвечивая истинную структуру мира... Дальше все было еще проще. Энергия послушно заструилась вдоль невидимых нитей, узор напрягся, зазвенел и... изменился. С тихим щелчком зеркало встало на место.

Шакаи-ар посмотрел на меня с веселым удивлением.

– Спасибо, малыш. – Тонкие губы тронула искренняя до невозможности улыбка, никак не подходящая убийце. – А где бутерброды? – нахмурился он. – Я ведь могу и передумать...

Это звучало как дружеская шутка, но я поспешила перегнуться через сиденье, выпутываясь из ремня безопасности, и нашарить за креслом сумку.

– С чем вам?

– Да любой. И давай уже перейдем на «ты», ладно? А то действительно начинаю чувствовать себя, гм, «подозрительным мужиком».

Я чуть не поперхнулась. Надо бы сделать себе мысленную пометку, что шакаи-ар весьма злопамятны. Впрочем... Я оглядела бутерброды. У меня тоже была возможность показать нрав истинной равейны.

На протянутую ладонь шакаи-ар шлепнулся тонюсенький кусочек хлеба с двумя ломтиками помидора. Я же с абсолютно невинным видом впила зубами в солидный бутерброд с ветчиной.

Шакаи-ар на мою мелкую пакость никак не отреагировал, но на сердце стало полегче. Я почувствовала к своему похитителю странную благодарность. Все-таки противно чувствовать себя совершенно беспомощной и бесправной... а этот парень пока не сделал ничего, что заставило бы меня осознать свое положение пленницы.

Пока.

Я медленно жевала бутерброд, оттягивая разговор. Стоило, конечно, повременить, попытаться самой разобраться в мотивах похитителя... Но кто знает, не вернется ли потом истерика? Сейчас у меня в душе царила странная пустота, усталость после слишком сильных эмоций... Дэриэлл говорил, что такое бывает после стресса... Не стоило ли воспользоваться моментом?

Подумав, я стряхнула с рук крошки и решительно повернулась к шакаи-ар.

– Почему ты меня похитил? – выпалила я на одном дыхании и замерла, ожидая если не удара, то резкого одергивания. Но шакаи-ар опять меня удивил, спокойно поправив:

– Это не похищение. Ты меня *сопровождаешь*.

«Ага, только меня забыли предупредить об этом», – промелькнула мрачная мысль. Но начало меня обнадежило, и, набравшись наглости, я рискнула продолжить расспросы:

– Куда мы едем?

– В резиденцию королев. Или тебе привычнее называть их эстаминиэль?

Я растерялась:

– У нас и так, и так говорят... Но... зачем тебе в резиденцию?

Честно, ответа я не ожидала, тем более подробного. Но он последовал:

– Затем, что назревает конфликт. И это мягко говоря. – Мой похититель вздохнул. – Кто-то убил в Зеленом одного из наших, мальчишку. Очень качественно. Сначала обездвигили заклинанием, потом отрезали голову. Все признаки указывают на то, что это сделала равейна. Причем конкретная – твоя мать.

Я задохнулась от гнева.

– Вы... вы что, с ума сошли? – уже не думая о последствиях, взвилась я. Чтобы Элен... убила? – Только не она!

– «Ты», Найта, «ты», никаких «вы»... А возвращаясь к твоему предположению... То же самое мне сказал Ирвин, глава здешней общины, – признался шакаи-ар. – И с такой же интонацией. – Он неожиданно усмехнулся. – Я даже не знаю, что его больше возмутило – убийство или такая наглая подстава. «Леди Элен вспыльчива и вполне может развеять обидчика по ветру. Но не ребенка же! Дети рядом с ней на головах ходить могут», – вот что он сказал. А через пару дней при крайне подозрительных обстоятельствах погибли молодые равейны. Жизненная сила была выкачана подчистую. И знаешь что самое интересное? Оба трупа несли на себе ментальные отпечатки шакаи-ар, причем кого-то из обращенных. Какая-то сволочь пытается сравить шакаи-ар и равейн в Зеленем! И не только в Зеленем, кстати... – Последнее слово он по-змеиному прошипел, и образ спокойного и доброжелательного парня разом слетел. – Как будто им одной войны было мало! – Шакаи-ар в раздражении стукнул кулаком по дверце. Пластик хрупнул, стальная пластина со скрипом прогнулась.

В голове пронеслась неожиданно веселая мысль: «Похоже, машина-то не его, иначе бы вел себя аккуратнее». Шакаи-ар в роли угонщика меня насмешил, и я фыркнула в плечо.

– Не веришь? И не надо, – усмехнулся мой похититель. – Главное, чтобы поверили королевы.

О, они поверят. Конечно, конечно, они верят каждому проходимцу, который до них доберется... странно тогда, что эстаминиэль до такого солидного возраста дожили.

– У тебя есть доказательства?

– Да. И даже свидетели. Например, ты. – Он обворожительно улыбнулся, демонстрируя клыки. Меня передернуло. – Помнишь, как зрители перебили вам телепортацию? Я пытался им помешать, но увы... – он прикрыл на мгновение веки, – ничего не вышло. В итоге я не смог предотвратить инициацию и едва успел зацепить портал.

– А-а, так на поляне ты... – начала я, но тут до меня дошло. – Хочешь сказать, за всем стоит инквизиция?

– Похоже на то. – Он поморщился. – Причем в союзе с этим зверьем, ведарси, и прочим отребьем. Шакаи-ар и равейны вряд ли справятся поодиночке... Значит, и нам надо заключить альянс.

– И?..

– Думаю, появление такого альянса возможно в самое ближайшее время.

– Да Совет королев...

– Совет королев меня внимательно выслушает. Потому что война с Орденом контроля и созидания будет еще более жестокой, чем была с нами. Мы мстили. Зрители холодно и рационально устроят геноцид.

Мне стало страшно. Настолько, что захотелось разбить это оцепенение кошмарного сна наяву чем угодно – хоть дурной шуткой, хоть ссорой.

– Вы... то есть ты так хорошо разбираешься в истории или просто оправдываешь своих сородичей? – не смогла я удержать на языке ядовитую реплику.

Синие глаза странно сверкнули.

– Я свидетель истории. В некотором роде.

Одну долгую секунду я соображала, что он имеет в виду, а потом мысли понеслись почти бессвязным потоком.

Ой-ой-ой... Если он помнит Вторую войну, то... Тридцать пять веков как минимум. А то и больше...

Бездна, это невероятно!

Если он настолько стар... У него ведь есть крылья? Боги, настоящие!

А я сижу рядом с настоящим князем! Существом более древним, чем даже Золотая столица...

Мой взгляд, как намагниченный, притянулся к похитителю. Я всмотрелась в юные черты, выискивая печать древности.

Бесполезно.

С виду – обычный парень. Довольно высокий, очень красивый... Никак не похожий на шакарского князя. Напротив, каждая деталь образа подчеркивала юность – длинная «рваная» челка, популярная среди моих одноклассников, темные узкие джинсы, самая обыкновенная рубашка... Глаза яркие, блестящие, *живые*, без пресловутого «налета веков», который отличал старых равейн и аллийцев.

И никакой снисходительности в общении, будто я и впрямь была его ровесницей.

Так легко забыться и поверить в это! Еще полчаса назад я рыдала от страха, а теперь почти шучу со своим похитителем, как будто это мой приятель.

А ведь он князь, уже не одну тысячу лет. Элита своего народа. На перечисление одних способностей ушел бы целый лист бумаги! Запредельная регенерация, эмпатическая чувствительность вплоть до подсознательного, энергетические блоки и удары, гипноз, физическая сила, телепатия, возможность влиять на гравитацию...

И еще – крылья. Идеальное оружие, одно прикосновение которого лишает разума, квинтэссенция яростной и противоречивой шакарской души.

Вот бы посмотреть на них...

– Боишься?

Изучающий взгляд пробрал меня до костей.

– И раньше боялась, – призналась я, чувствуя, что лукавлю. Почему-то после того, как превосходство похитителя надо мной стало таким очевидным, было уже не так обидно за собственную беспомощность. И еще – против воли я ощутила нечто вроде восхищения.

Князей, тем более тех, кто помнил войну, осталось не так много. По пальцам не пересчитаешь, но сотня – это нечто вполне представимое.

Интересно, который?..

– А как вас... то есть тебя зовут?

После этого невинного, в общем-то, вопроса напряжение повисло в воздухе липкой паутиной.

– А это обязательно? – вздохнул шакаи-ар, слишком пристально вглядываясь в извилистую ленту дороги.

– Ну, не могу же я обращаться к тебе все время только на «ты», – смутилась я, жалея, что вообще раскрыла рот.

Мой похититель продолжал невидящим взглядом сверлить лобовое стекло. Мне стало не по себе – не врежемся ли мы в дерево? Мотор взревел, и лес за стеклом слился в одну темную застывшую массу. Молчание давило на уши, как ватная подушка.

Может, стоит сказать: «Проехали, буду звать тебя просто «князь»?»

Внезапно он улыбнулся и, скосив на меня глаза, произнес:

– Меня зовут Максимилиан. Князь Максимилиан из Северного клана.

Не было нужды добавлять это. За всю историю мира был лишь один шакаи-ар, с гордостью носивший это имя – человеческое имя. И даже по меркам своей расы он считался ненормальным. Слухи расходились, называя его то «вечным ребенком», то «жесточкой мразью без души».

Северного князя боялись, сторонились, но... уважали. И ценили. Он был уникален. Максимилиан впервые убил в шесть лет. Неплохое начало... Шакаи-ар рано расставались с детством и иллюзиями относительно неприкосновенности чужой жизни, но так... Почти на

четверть века раньше обычного. Причем его жертвой оказалась одна из наших, и не самого низкого ранга – эстиль.

Кровавое безумие, адаптационный период к новым способностям, когда жажда превращается в непреодолимое желание, длился не сто лет, а пятьдесят. Едва отпраздновав свое четырехсотсемидесятилетие, Максимилиан стал князем – другие ждали этого не меньше тысячи лет. Если бы не заражение солнечным ядом, вернувшее его в биологическое детство, он уже был бы старейшиной. И неудивительно.

За тридцать шесть веков Максимилиан убил больше равейн (да и простых смертных!), чем иной старейшина.

По спине у меня пробежали мурашки. Семнадцать лет моей жизни прошли уж слишком тихо... Но такой подлянки от судьбы я не ожидала.

Некоторое время Максимилиан игнорировал смесь страха, отвращения и любопытства, застывшую на моем лице, но потом сдержанно заметил:

– Знаешь, малыш, сначала такая реакция льстит. Потом раздражает. Но сейчас меня это бесит. Ну чего ты боишься, объясни мне?

Кое-как совладав с собой, я ответила, пряча глаза:

– Я боюсь боли и смерти. Не очень оригинально, да?

Машина сбавила скорость. Максимилиан откинул голову на спинку. Плечи его опустились. На какую-то секунду он показался мне очень одиноким... и действительно *старым*.

– Найта, послушай... Не всему, что обо мне говорят, стоит верить. Да, я не могу обещать, что верну тебя домой в целости и сохранности. – Он скривился. – Или что ни при каких обстоятельствах не воспользуюсь тобой, как... пищей. Даже не буду отрицать, что хочу этого. Но, может, попробуем подружиться? Не такой уж я страшный... и могу быть таким, каким ты захочешь. Я умею, честно, – улыбнулся Максимилиан неловко, поглядывая на меня сквозь разлохмаченные пряди челки.

Если честно, после его слов мне стало стыдно. Репутация, конечно, большое дело... Но только если половина из этих слухов не исходит из инквизиции. А так оно и было, скорее всего.

Смущение и неловкость я по обыкновению спрятала за глупой шуткой, больше похожей на издевательство:

– А что, у тебя бывают друзья?

К счастью, князь не обиделся, безошибочно считав мое настроение. Телепат... пожалуй, он действительно мог бы стать таким, каким я хотела его видеть.

Опасно, если задуматься.

– Представь себе, бывают. У меня даже друг детства есть, вот как!

Он соорудил гордую физиономию, задрал нос к потолку. Я не выдержала и рассмеялась:

– И как он тебя зовет? Максик?

– Нет, что ты. Раньше все сокращали по-аллийски, – ответил князь уже серьезно.

– И как это звучит? – искренне заинтересовалась я.

Филология была моим давним хобби. Привлекала она меня тем, что обнаруживала в привычных вещах двойное, а то и тройное дно. Например, почти все имена на древнем наречии имели по несколько значений. Мое происходило то ли от «Nieih» – «отрицание, отказ», то ли от «Nattie'e» – «тайный, темный». Конечно, я не верила в то, что имена отражают характер, но все же...

Шакаи-ар выглядел смущенным.

– Ксиль. И не вздумай смеяться!

– А мне можно так к тебе обращаться? – Я старательно прятала улыбку. Интересно, а какое значение имеется в виду? «Ksyll» – «звездочка» или «ksie'il» – «льдинка»?

– Наедине – пожалуйста. Только перед прочими князьями не позорь... Впрочем, к другим шакаи-ар я тебя не пушу, – пошутил он. – Самому мало.

И все-таки мне ужасно нравилось, как он улыбался. Даже если при этом обнажал клыки...

– Ксиль?

– Да, маленькая моя? – охотно откликнулся Максимилиан. Казалось, он был искренне рад продолжить диалог, даже такой, ни к чему не обязывающий.

– Куда мы сейчас едем?

– В Бирюзовый. Там кое-что купим, оставим машину и дальше – через Срединный лес своим ходом.

Мне показалось, что я ослышалась. Либо Максимилиан знал гораздо больше, чем показывал, либо... либо не знал ничего.

– А почему не на запад? Ведь Замок королев там, на Холмах. – Вопрос был на дурачка, но я не могла не проверить. Максимилиан только фыркнул.

– Знаю я ваши фокусы. Туда нельзя попасть прямым путем. Сначала надо пройти два портала. Замок-на-Холмах – это, как я понимаю, зачарованное место.

Итак, мы вернулись к исходной точке.

– Если ты все знаешь, то зачем тебе я?

Он невинно улыбнулся, напомнив мне одного из одноклассников, веселого рыжего мальчишку, который вечно изображал паиньку, но слыл наказанием для учителей.

– Сопровождаешь, чтоб я не сбежал.

– Издеваешься?

– Издеваюсь. – Ксиль покаянно склонил голову. – Как ты не понимаешь, вдвоем путешествовать веселее... – Он посерьезнел. – К тому же после инициации ты вне закона. Или попробуешь отстоять право?

Я представила и содрогнулась. Если смотреть с этой точки зрения, то мне повезло уехать из Зеленого. Айне не тронут, она пророчица. Остальные имеют вполне реальный шанс доказать Право. Но я...

Может, Максимилианом и двигали неальтруистические побуждения, когда он увозил меня, но в итоге, кажется, его решение было удачным.

Боги, связаться с Орденом...

– Ну, уж нет. Лучше путешествие в никуда с шакаи-ар, чем экзамен в казематах инквизиции. Что-то мне не верится, что я его сдам...

Некоторое время мы ехали в тишине. Я прислонилась лбом к стеклу и неотрывно смотрела на мелькающие за окном обочины. Километры и километры дороги...

Я все больше отдалялась от дома. В это сложно поверить, но раньше мне не доводилось уезжать дальше Золотой, нашей столицы. Или соседнего Небесного. А теперь я на пути к Холмам, резиденции эстаминиэль. И рядом никого...

– Найта? – Голос князя вывел меня из невеселых раздумий.

– Да?

– Каким ты меня видишь? Я тебе нравлюсь?

От неожиданности я поперхнулась. Если Максимилиан ставил целью выбить меня из колеи и заставить забыть о печальных размышлениях, то ему это удалось с блеском.

– Э-э... Но ты же эмпат! – выкрутилась я, заливаясь румянцем смущения. – Ты чувствуешь мое отношение. И вообще... это нечестный вопрос!

– Слово «честь» не входит в мой набор для путешествий... И все-таки? – Максимилиан подкупающе улыбнулся. – Предположим, я хочу это именно услышать. Ну, кроме того, что я «подозрительный мужик».

Мне показалось, что, если бы сейчас мне к щекам поднесли паклю, она бы вспыхнула – так жарко стало лицу.

Вот ведь... злопамятный павлин. Ну, ничего, хочет правду – получит ее.

– Вообще-то, судя по твоей биографии, так оно и есть. Подозрительнее некуда, и определенно мужского пола, – я старалась говорить сухим «медицинским» тоном, как Дэриэлл – с надоедливymi мнительными пациентами, но вскоре сбилась. – Но тебя интересует мое мнение, а не собрание легенд и предрассудков... Про аллийцев сплетничают, что они сплошь утонченные ценители искусств и в целом создания изнеженные и бесполезные. А я знаю одного типа из Дальних Пределов, который носит рваные джинсы и мятые футболки. А еще отжимается по девяносто раз, а из музыки рок предпочитает, тяжелый, а еще даже зимой спит с открытой форточкой и совсем не изнеженный, а еще...

– Ну а насчет меня? – со смехом перебил меня Максимилиан, изрядно позабавленный тем, с каким энтузиазмом я пустилась в воспоминания. – Какой для тебя я?

– Очень красивый...

Ох, кто меня за язык тянул! Я вновь мучительно покраснела. Ляпнула так ляпнула. Может, мне еще ему в любви признаться? А вдруг он решит, что я с ним... заигрываю?

Только этого не хватало!

Мысленно ругая себя, я подняла глаза на князя. И встретила внимательный, испытующий взгляд без тени насмешки. Как будто ему и впрямь важны были мои слова.

«Не такой уж я страшный... и могу быть таким, каким ты захочешь. Я умею, честно».

Умеет. Совершенно точно.

После запинки я продолжила, уже медленнее, серьезнее и гораздо искреннее.

– Это первое, что бросилось в глаза, – красивый, таинственный... одинокий, – добавила я с некоторым опасением. Вряд ли жалость ничтожной равейны польстит князю. Но Максимилиан не проявил ни малейшего недовольства, наоборот, кивнул ободряюще. – Такого хочется защищать, даже когда надо самой спасаться. Да только разве от такого спасешься. – Я выразительно потерла шею, припоминая «мостик», который устроил мне Максимилиан в честь знакомства. – До сих пор позвоночник ноет.

– Фу, это же мелочи! – искренне возмутился князь. Глаза его смеялись – Так, игры для остроты ощущений.

– Ага, и кто-то переборщил с перцем!

– То ли еще будет! – загадочно пообещал Максимилиан и подмигнул мне. – Вот поймаю тебя... совсем... и научу плохому.

Я улыбнулась. Стало очень-очень легко. Опять ментальное воздействие, не иначе.

– И сколько у меня еще попыток?

– Две.

– И когда продолжим?

Он неожиданно посерьезнел.

– Когда ты сама решишь, хочешь ли быть пойманной.

Я отвернулась. Мне было о чем подумать.

Впереди загорались огни Бирюзового.

* * *

Максимилиан с досадой захлопнул дверцу машины. Потом еще раз. И еще.

– Тьма! В Зеленем все было нормально!

Я с сомнением покосилась на солидную вмятину.

– Сомневаюсь, что раньше здесь было *это*.

Он сделал последнюю безнадежную попытку и сдался.

– Ладно, все равно придется машину оставлять. Чем скорее ее угонят, тем лучше. Меньше следов – меньше проблем.

Напоследок князь мстительно пнул дверцу. Раздался чудовищный скрип, и металл украсила еще одна вмятина, да и сама машина порядочно просела. Я невольно посочувствовала бедолаге, у которого князь позаимствовал автомобиль. Если уж владелец и получит его обратно, то в таком виде, что ремонт обойдется едва ли не дороже покупки новой машины.

Впрочем, вряд ли хозяин рискнет высказать свои претензии князю.

Тем временем уже совсем стемнело. Незнакомый провинциальный город спал беззаботно и глубоко, как ребенок. Я чувствовала себя так, словно попала в его Бирюзовые – ведь так он назывался, да? – сны. Темно-синее в зените небо на западе все еще отсвечивало розовым и бледно-голубым. Широкие асфальтовые полотнища дорог разделяли жилые кварталы, как пограничные реки в древности – города. Многоэтажки перемигивались желтыми окнами, как будто разговаривая друг с другом на своем собственном языке. Воздух, разогретый жарким майским солнцем, постепенно остывал, оставляя привкус молодой листвы и пыли с обочин.

Меня охватило предвкушение чего-то необычного, интересного... жажда приключений... Авантюрная лихорадка?

Максимилиан усмехнулся – блеснули в темноте белые зубы – и ненавязчиво подхватил меня под локоть, увлекая к неприметному проходу между домами. Я словно очнулась от забытья. Сделалось зябко.

– Можно задать вопрос? – Он кивнул, и только после этого я продолжила: – Куда мы сейчас идем?

– В гостиницу, – после едва заметной паузы ответил князь. – Там ты подождешь меня пару часов – отдохнешь, примешь душ, перекусишь, а я пока кое с чем разберусь. Потом уйдем, быстро и тихо.

– А... я успею поспать?

Не то чтобы сон был важен сам по себе, но мне требовалось время на раздумья и привыкание к своему новому статусу то ли пленницы, то ли спутницы шакай-ар.

– Разве что завтра ночью, – ответил он с виноватыми нотками в голосе. – Нам сейчас надо уйти как можно дальше, чтобы круговой поиск ничего не выявил.

– Какой поиск? – не поняла я.

– Круговой. Когда из одной точки поисковый импульс исходит сразу во все стороны. Не слышала про такой?

У меня вырвался вздох.

– Не слышала. – Шакай-ар снисходительно хмыкнул, и я, конечно же, поддалась на провокацию и начала оправдываться: – Но равейна и не должна ни о чем таком знать! Я же не студентка Академии магии и не колдунья!

– И в чем же отличие, если не секрет? – с искренним, казалось бы, любопытством поинтересовался Максимилиан. Я подозрительно оглянулась на него: сомнительно, чтобы князь, которому столько лет, что мне и представить страшно, этого не знал.

Но разговор на постороннюю тему был все же предпочтительнее молчания. В тишине наверняка бы в голову полезли мысли об оставшихся дома подругах, о бедной моей маме... Как она себя чувствовала, когда узнала, что меня увез какой-то шакай-ар?

И ведь восточку не подашь...

– В чем отличие... Так сразу и не определишь, – начала я задумчиво, стараясь отогнать депрессивные мысли. – Мы, равейны, не используем логичные, но лишь через раз работаю-

щие формулы преобразования энергии и не кланчим у богов силу. Все на интуиции – зелья, амулеты, заклинания.

– И часто ошибаетесь, наверное? – спросил он. У меня выиграла расовая гордость – захотелось отстоять равейн перед князем.

Хотя, если задуматься, он на нас и не нападал. Просто задавал вопросы.

– Уж пореже тех же магов. – Я заносчиво вздернула подбородок. – Они магию считают не искусством, а разделом высшей математики, – меня передернуло от отвращения. – Хотя что-то у них получается лучше, некромантия, например, – вынужденно признала я, вспомнив «домашние задания» своего брата-студента. – Наверное, потому, что немного найдется равейн, чья сила – боль и смерть... Но одни только энергетические формулы – это безумно мало и очень неудобно. А что касается колдунов... Посуди сам: клановая система, знания передаются только от отца к сыну, от матери к дочери. Захвнет род – и все накопленное за столетия пойдет коту под хвост. Правда, изобретение большинства зелий – заслуга колдуний. Если бы не закрытость кланов, они стали бы самой могущественной кастой...

– Интересно, – улыбнулся Максимилиан. – Но мне кажется, что у равейн есть большой недостаток: раз они не пишут научных трактатов, то и сведения о новых заклинаниях и составах так и остаются достоянием одиночек-изобретательниц.

– Вы... то есть ты серьезно спрашиваешь или просто так шутишь? – осторожно поинтересовалась я.

– Скажем так: иногда очень интересно услышать мнение человека, еще не испорченного предрассудками нашего мира, – туманно пояснил князь. Мне это подозрительно напомнило расхожую фразу «Устами младенца глаголет истина».

Этот шакал-ар то ли развлекался за мой счет, то ли хотел завоевать симпатию таким вот немудреным способом – «заинтересовавшись» моими скудными знаниями.

– Ты... никогда не слышал о «памяти матерей»? Ну... это сложно объяснить. Если равейна иницирована, то она может... войти в транс, что ли, не знаю, как сказать лучше... словом, слиться с личностью своей матери, бабушки и так до первой равейны в роду. Ну так как все мы в той или иной степени связаны узами родства с древнейших времен, то лишь очень немногие не имеют возможности погрузиться в «память матерей». Да и то они могут «породниться» с любой равейной, смешав кровь и назвав подругу сестрой... А там, в «памяти», – океан информации. Все когда-либо произнесенные заклинания, узоры амулетов, способы приготовления зелий, и не только. Можно посоветоваться, если попала в трудное положение, а если кто-то из матерей знал иностранный язык – освоить чужое наречие. Иногда эти знания просыпаются спонтанно. – Я задумчиво потерла косичку. – Представь себе: за девушкой погнался маньяк, а она вместо того, чтобы визжать и умирать от страха, вдруг хладнокровно вывернула ему руку, вызвала Стражей порядка... и только потом потеряла сознание от шока. Или маленькая девочка, потерявшись в незнакомом городе, вдруг начинает рассуждать и вести себя как взрослая. Слышал ли ты подобные истории?

– Приходилось, – ответил он лаконично.

– Это – тоже обращение к «памяти матерей». Неосознанное, потому не требующее инициации. Правда, пользоваться этим... ресурсом нужно очень осторожно. Ведь память предоставит тебе всего лишь голые знания, но не подскажет, как их правильно истолковать, как использовать...

Мы зашли в какой-то на редкость темный район. Здесь дома были низкими, а окна закрывались ставнями. Те немногие фонари, которые стояли по обочинам, уже давно превратились просто в столбы. Лампы в них были разбиты или выкручены... Я ничего не видела дальше вытянутой руки и постоянно спотыкалась, и если бы не Максимилиан – давно бы уже все ноги переломала.

– Тогда, в лесу... с инквизицией разговаривала ты?

– Обижаешь, – нахмурилась я. Это короткое замечание задело меня гораздо больше, чем должно было. Словно Максимилиан уже решил для себя, что я неспособна на разумные действия.

– Эта память – ваше главное расовое отличие? – Он проигнорировал мою реплику с воистину княжеской непосредственностью. Мне ничего не оставалось, кроме как ответить на его вопрос:

– Главное отличие в том, что мы никогда не используем заемную силу. Только свою. И каждая – по-своему. Но это, наверное, не очень понятное объяснение... – «Да и нужны ли тебе объяснения вообще», – подумала я, но вслух ничего не сказала. – Ты слышал когда-нибудь такую поговорку: «Удачлив, как Младшее дитя Изначального»?

– Конечно, слышал. Это означает что-то вроде «родился в рубашке»? – уточнил князь. – Неужели это о равейнах?

– Младшее дитя Изначального – это и есть равейна, – пояснила я, почти уверившись в том, что Максимилиан просто занимает меня беседой, а не интересуется всерьез. – Равейна по-аллийски.

– А-а, – понятиливо кивнул собеседник. – *Ravei a'Veina*. Что-то такое припоминаю.

Я расплылась в улыбке.

Честно говоря, при звуках аллийской речи меня всегда уносило. Сказывалось, наверно, беззаботное детство, проведенное в Дальних Пределах. Вообще, копаться в этимологии аллийских слов – одно удовольствие. Количество значений у одного и того же корня может достигать нескольких десятков, и смысл их будет лишь отдаленно перекликаться. Аллийский язык – это безграничные возможности для того, кто любит и умеет обращаться со словами.

Я встряхнула головой, отвлекаясь от воспоминаний об уроках аллийского у Дэриэлла.

– Вот-вот. *Ravei* – «любимец», «младший». *Veina* – «стихия», нечто изначальное. И еще – вспомни перечень равейновских рангов. Самый известный, конечно, эстиль, третий ранг, потому что так можно обращаться ко всем без исключения равейнам. Получится что-то вроде «госпожа»... Так и переводится с аллийского «*es'tiee*», собственно. Но если идти от верхних рангов к нижним, это будет выглядеть так: эстаминиэль, *Es'tiee ah Min-Niel* – «госпожа всего сущего». Аш-эстиль – «высокая госпожа». Эстиль – ну, здесь все понятно... Далее следуют аш-каэль и каэль, причем пятый ранг звучит на аллийском как «*kayel*» – буквально «тот, кто твердо стоит на ногах». Приставка «аш» означает «высокий», кстати. Потом идет аш-равейна...

– ... и равейна, – закончил он. Я поглядывала на Максимилиана со все большей симпатией: мало кто из знакомых подолгу выдерживал мои лекции по филологии. К тому же князь на этот раз действительно заинтересовался, похоже. – Что, как мы уже выяснили, означает просто «равейна». Но вернемся к заемной силе... к чему ты вела?

Я смущенно кашлянула. Вот уж ушла в сторону от темы...

– В этом вся загвоздка. Мы – равейны. Младшие, любимые дети Изначальных стихий. Проще говоря, равейны вообще не люди. И чем выше ранг, тем меньше в нас человеческого и больше Изначального. Мы – части единого целого, заключенные в человеческие тела и наделенные душой. И вся наша магия – это попытки воздействовать на стихии вокруг нас... Мама говорит, что учиться колдовать – все равно что учиться ходить и говорить – вроде все при тебе, а сразу не получается, – улыбнулась я, вспомнив яростную тираду, которую обрушила на меня однажды Элен. – Но мне больше нравится другое определение. Магия – это дар, одно из проявлений таланта, как поэзия, живопись или танцы. Поэтому так редко мы достигаем высшего ранга, – вздохнула я. – Гениев мало, еще меньше среди них равейн. И...

Запнувшись ногой о камень, я полетела вперед, и только жесткая хватка на локте не позволила мне некрасиво растянуться на асфальте.

– Осторожнее, – без улыбки посоветовал мне Максимилиан, благородно оставляя ситуацию без комментариев. От смущения я спросила немного резко:

– И долго мы еще будем блуждать в потемках?

– Недолго. – А сейчас он, кажется, улыбнулся. – Почти на месте. Гостиница за углом.

– А нас точно пустят в такое время? – засомневалась я.

– Не дури! – рассмеялся он, как бывалый путешественник. – Во-первых, это *гостиница*. Там клиентам обрадуются в любое время, были бы деньги. Во-вторых, ее хозяин – мой... друг.

Последнее слово прозвучало как-то подозрительно.

– О! – умно заметила я и умолкла.

В так называемую гостиницу мы вошли с черного хода, что только укрепило мои подозрения. Князь уверенно прошел по обшарпанному коридору, остановился перед дверью с табличкой «Служебное помещение» и постучал.

Мне стало не по себе.

Я переступила с ноги на ногу и спряталась у Ксиля за спиной.

Максимилиан, которого такое проявление трусости изрядно позабавило, цапнул меня за шкуру и попытался водворить на место, рядом с собой, но неожиданно натолкнулся на сопротивление. Я сама ужасно удивилась, когда вдруг поняла, что упираюсь, как нашкодивший котенок, и перепугалась вдобавок – вдруг князь разозлится?

И именно в этот момент, по закону подлости, дверь открылась.

– Поздний ужин? – К косяку прислонился парень лет двадцати пяти с коротко стриженными каштановыми волосами и весьма... э-э... выразительной улыбкой. В глазах цвета темного шоколада четко отражалась сцена борьбы перепуганной девушки в драных джинсах и футболке, больше похожей на лохмотья, с шакарским князем.

– Скорее, ранний завтрак, – в тон ответил Максимилиан. – И то вряд ли, при таком-то сопротивлении... Здравствуй, Ллайс. Как бизнес идет?

– О, неплохо. Счастлив видеть вас, мой князь, – с достоинством поклонился владелец гостиницы. – Комнату, как обычно?

– К сожалению, нет времени, – вздохнул Максимилиан. Он посмотрел на меня, и в глазах его мелькнуло что-то порочное и смущающее. – Может, в следующий раз. А пока – просто комнату на одного, желательно с запасным выходом. Ах да, и еще что-нибудь поесть. Для нее. – Он взмахнул рукой и чуть не выколол мне когтем глаз.

От неожиданности проснулись боевые рефлексy, которые четвертый год подряд безуспешно вбивал в мою голову брат. Я дернула за нити... Только вот вместо разрушительной «серой гнили», столь любимой Хэлом, у меня получилась почему-то обычная зеленая плесень с кисловатым душком.

Ксиль дернулся и брезгливо вытер грязную руку об обои. Я сконфужено потупилась, ожидая заслуженного нагоняя. Но князь промолчал, а Ллайс восхищенно присвистнул:

– Волшебница?

– Что-то вроде, – хмыкнул Максимилиан. – Равейна. Но это не развлечение, Ллайс, – посерьезнел он.

Хозяин гостиницы искренне огорчился.

– А жаль. За вами бывает так интересно наблюдать, мой князь... – Ллайс многозначительно улыбнулся и под комментарий Ксиля: «Вуайерист бессовестный!» скрылся в комнате.

Через полминуты, не больше, он вернулся с ключом и отдал его Максимилиану.

– Три часа нам хватит. Если что-то пойдет не так в мое отсутствие – спрячь девочку, – коротко приказал он.

Ллайс молча склонил голову.

– И если будут расспрашивать, даже представляясь посланниками Северного клана, – нас здесь не было.

– Конечно. Ни слова.

Комната располагалась на четвертом этаже, в конце коридора. Она была такой неприметной, что сначала я приняла вход в нее за дверцу кладовки или шкафа. Обстановка тоже не поражала роскошью, мягко говоря. Из мебели – одна кровать – правда, широкая и накрытая пуховым одеялом. Узкое окно, заплетенное диким виноградом, плотные деревянные жалюзи, приоткрытая дверь в ванную. Над кроватью – маленькая лампа с сиреневым абажуром, единственное яркое пятно в комнате.

Князю быстро надоело ждать, пока я налюбуюсь, и он довольно невежливо затолкал меня внутрь. Бросил сумку на кровать, опустил жалюзи, включил свет. И только потом обернулся:

– А ты чего стоишь? Раздевайся.

Я поперхнулась. Хорошенькое заявление! Невольно попятившись, я опасливо поинтересовалась:

– А зачем?

Максимилиан медленно, текуче приблизился, лениво провел пальцем по обгоревшей ткани, задумчиво подцепил когтем сиротливо свисающий лоскуток, который раньше был частью моей замечательной футболки. Черной, застиранной, с гордой надписью «Зеленый мир». Моей любимой футболки, позаимствованной у Дэриэлла еще два года назад...

– По-твоему, это нормально? – Князь иронично приподнял бровь.

Я покраснела. Ну да, в *такое* даже пугало стыдно одеть, как сказала бы мама, но что он ожидал увидеть после неумелой телепортации и огненной волны в исполнении Феникс?

– И так сойдет! – горячо уверила князя я, прижимая руки к груди. Вдруг начнет футболку стягивать... кто их знает, этих шакай-ар... Ллайс намекал на какие-то неприличности, которые время от времени происходили в этой комнате... – И вообще, у меня нет запасной одежды! Я... э-э... оставила дома весь свой гардероб.

– Сомневаюсь, чтобы у тебя там нашлась хоть одна нормальная вещь, – буркнул Максимилиан себе под нос, отворачиваясь.

– Что, простите? Я не расслышала... – обиженно переспросила я. Между прочим, все вещи у меня были достаточно дорогими – наша семья далеко не бедствовала. Даже эти джинсы, пусть и старые, до попадания в «огненную волну» выглядели очень даже неплохо.

– Ничего. Тебе послышалось. – Князь пошарил в сумке и выудил оттуда темно-синюю рубашку из ткани явно аллийского происхождения. – Вот, накинь пока. Я ее, правда, несколько раз надевал, но вроде чистая. Потом найду тебе что-нибудь получше. Иди, переодевайся. – Он развернул меня и легонько подтолкнул в сторону ванной комнаты. – В такой одежде, как у тебя сейчас, ходить не только неприлично, но и негигиенично.

Когда я пригляделась повнимательней, джинсы оказались настоящими лохмотьями. К своему стыду, я обнаружила немаленькую прореху на заднице... О футболке и говорить нечего. Ткань ощутимо пахла горелым.

А одолженная рубашка оказалась приятной на ощупь и действительно свежей. Если бы не едва уловимый запах разогретой солнцем травы, исходивший от нее, и слегка смятый воротник, ни за что не подумала бы, что рубашку надевали.

Максимилиан, не дожидаясь, пока я хотя бы застегнусь, бесцеремонно распахнул дверь и окинул меня насмешливо-оценивающим взглядом.

– О, так гораздо лучше! Хм, посмотрим... Ты какой размер носишь?

– Сорок вто... четвертый. – Я уткнулась глазами в пол. Щеки полыхали. Было невыносимо стыдно за голые ноги в синяках и ссадинах, за копоть, за слишком короткую рубашку...

Бездна! Он же эмпат, он что, не понимает? – Наверное. Не знаю. Не помню. У меня обычно вещи... свободного покроя.

– Боги, вот ведь мода – ходить в мешках. Кто сказал, что это красиво? – проворчал Ксиль. – А обувь?

– Тридцать шестой. Кажется.

– Хм... Ладно, с неопределенными размерами я разберусь, на глазомер никогда не жаловался... Стой-ка смирно.

Максимилиан неспешно обошел вокруг, время от времени измеряя что-то пальцами, прикидывая, подсчитывая. Я зажмурилась, вздрагивая от каждого прикосновения когтей. Уши горели огнем. Наконец князь то ли закончил свои измерения, то ли просто сжалился:

– Ну, все, не дергайся ты так, ничего я тебе не сделаю. И вообще уже ухожу. – Тонкие губы сложились в едва заметную улыбку. Нет, он определенно издевался! – Через пару часов вернусь. Советую пока в душ сходить и отдохнуть по возможности.

– Хорошо, так и сделаю, – покладисто согласилась я. Лишь бы он поскорее ушел. – Ну, я... то есть где мне взять шампунь? Если можно...

– Посмотри в сумке.

Максимилиан уже развернулся и пошел к двери, но тут мне в голову пришла дельная мысль, и я ухватила его за рукав. Ксиль так посмотрел в ответ, что от смущения у меня язык отнялся.

– Что-то еще? – вежливо поинтересовался князь, поглядывая сквозь ресницы, до невероятного густые и длинные. Как у моего брата в детстве – хоть спички на них выкладывай.

Я сглотнула и, собравшись с духом, начала:

– Не мне, а нам, если быть точнее... В общем, если в городе есть аллийская лавка... или просто алхимическая... И если есть время... Словом, ты не мог бы купить кое-какие ингредиенты?

– Зачем? – коротко спросил он.

– Ну... тогда я буду приносить пользу, – прозвучало это жалко. – Боец из меня никакой, как вы понимаете... То есть как ты понимаешь, конечно... Вместо боевых плетений у меня получается всякая плесень. А вот зелья, яды-противоядия я знаю неплохо. Ну, и амулет смогу какой-нибудь сделать, от иномирных тварей или на отвод глаз. Меня мама учила...

Шакай-ар улыбнулся.

– Убедила. Что конкретно тебе понадобится?

– Ну-у... Шалфей, чемерица, луговник, волчья травка... – Я перечислила еще с десятков названий. – И еще ашемитовая крошка и ильсент. И, если можно, какую-нибудь посудину из термостекла...

– Все?

– Да. Только... – Я замялась. В долг я просить не любила, тем более у посторонних. Но вообще-то расширить мои возможности – в интересах князя. – Денег у меня с собой нет, кошелек в рюкзаке остался. Но все ингредиенты довольно дешевые, к тому же и тебе может что-нибудь пригодиться. А потом я верну, у меня карманные дома были... Так... ты поищешь?

– Да нет проблем. – Максимилиан интимно наклонился к моему лицу. – А что до денег... Какие долги? Введем натуральный обмен. С меня – мешок травок, с тебя – скажем, литр крови... Идет? – Я испуганно моргнула. – Ну, вот и решили.

И, прежде чем я запротестовала, он чмокнул меня в нос и вышел.

В груди клокотал смех – истерика пополам с раздражением. Вот мерзавец, а? Я потопталась несколько минут на одном месте, потом махнула на князя с его причудами рукой, скинула кроссовки с полуотвалившейся подошвой и присела на краешек кровати.

В сумке под аккуратно сложенной одеждой, практически сверху, обнаружился обещанный пакет с принадлежностями для ванной. Надо же, а наш князь – чистюля-аккуратист. Или заранее обо мне позаботился?

В душе я провела не больше двадцати минут. Вышла, как назло, в тот же момент, когда Ллайс принес поднос с едой. Окинув меня заинтересованным взглядом, за который та же Феникс точно хорошенько подпалила бы кому-то шевелюру, он улыбнулся и покинул комнату.

Я присмотрелась к тарелкам. Рыба, какой-то салат и стакан воды. Эх, негусто... Но пахла рыба неплохо и еще не остыла, так что жаловаться особенно было не на что.

Присев на подоконник, я принялась за ужин, разглядывая светлеющее небо сквозь приподнятые жалюзи и жидкие плети «девичьего винограда». Потом составила тарелки на пол, притянула колени к подбородку. Влажные волосы черными кольцами рассыпались по рубашке. Капли воды оставляли на мягкой ткани темные следы. Насыщенная синева ночного неба выцветала, принимая неопределенно-серый оттенок. На улицах появлялись первые прохожие. Где-то за поворотом зашуршал метлой по асфальту дворник. Растворялись в призрачном свете солнца звезды, ветер перебирал на деревьях листья...

Мне было так хорошо и спокойно, что я не заметила, как заснула прямо на подоконнике.

Глава 4

...Это было похоже на комариный писк. Не то чтобы громко, но очень настойчиво. И еще – растекалось по сну, как масло по ковру, смутное чувство опасности...

Звук становился все громче. Назойливое насекомое нарезало круги, задевая то лицо, то руки. Я качнула головой, пытаюсь отогнать мелкую пакость. Звон становился вибрирующим, въедливым, невыносимым... Я резко вскинула голову... и ударилась об стену затылком, мгновенно просыпаясь.

Максимилиан поспешно отдернул руку и виновато улыбнулся. Странно было видеть этот контраст: вертикальные шакарские зрачки, делающие невыразительным взгляд, хищная заостренность черт... и такое *человеческое* чувство.

Стояла гнетущая тишина.

– Давно вернулся?

– Только что. А ты, смотри, отдыхаешь?

– Пытаюсь. Если честно, без особого успеха. – Я украдкой зевнула, склонив голову к плечу, и поморщилась. Конечности затекли и ужасно ныли при попытках разогнуться. – Я пару раз в автобусе засыпала, когда с экскурсий возвращались... Но тогда так не болело. А сейчас чувствую себя отбивной какой-то...

Князь примостился на краю подоконника, опираясь на раму. Окинул внимательным взглядом мои избитые ноги, осторожно провел ладонью в миллиметре от кожи... От вида длинных, как у пианиста, пальцев, оканчивающихся бритвенно острыми когтями, пробирала жуть. Какой-то глубинный, неистребимый страх пополам с восхищением – как если сестра на перила балкона на шестнадцатом этаже спиной к пустоте.

«Он не желает мне зла», – сказала я себе, сглатывая. Плавное скольжение узкой ладони на волосок от моей кожи отнюдь не добавляло спокойствия. Ладно. В лаборатории Дэриэлла мне часто приходилось работать с опасными веществами. Тогда тоже было страшно разлить что-нибудь или надыхаться парами, но я со временем научилась приглушать инстинкт самосохранения. Когда сильно боишься, делаешь слишком много ошибок.

Я резко выдохнула и до боли зажмурилась, отсчитывая про себя до десяти. В работе с летучими ядами это помогало – отсекало страх, включало сообразительность.

Вряд ли техника работы с шакаи-ар сильно отличается.

– Это все из-за меня? Столько синяков и ссадин... – произнес он слегка растерянно.

Почти прикосновение словно вытягивало боль из затекших мышц. Если отрешиться от личности князя, то это было бы... приятно.

Я прикусила губу.

– Не все, но большинство. – Мне хотелось одновременно и поджать ногу под себя, чтобы разорвать контакт, и осторожно прижать его ладонь своей, прямо к острым коленкам в неприятных лиловых пятнах гематом. – Я на мелкие травмы внимания не обращаю, поэтому вечно хожу «раскрашенная», как мама говорит.

Ладонь на мгновение легла на кожу, вызвав волну мурашек... и отдернулась, словно князь вдруг передумал касаться меня.

«Брезгает», – промелькнуло в голове иррационально-обиженное.

– Жаль, что я почти не разбираюсь в человеческой медицине. Вот калечить – другое дело. Могу предложить свои услуги. Высшее качество – и совершенно бесплатно, – усмехнулся он невесело. Я невольно напряглась, не сразу сообразив, что князь просто так странно шутит.

– Не переживай за мои коленки, – несмелая улыбка далась нелегко. – Сварю зелье, все мигом заживет. Алхимия – царица наук, как говорит Дэриэлл... Кстати, – я оживилась, – как обстоят дела с ингредиентами?

– Травы в сумках. – Он кивнул на пакеты и встрепенулся. – И одежда тоже. Хочешь примерить?

– Хочу. И... можно я себе рубашку оставлю? – неожиданно выпалила я и, сообразив, что сказала, залилась густой краской.

Но мне всегда нравилась чужая одежда... Особенно такая, один раз ношенная – свежая, но с едва уловимым индивидуальным запахом, от которого появлялось ощущение сопричастности. Может, в силу привычки – Хелкар в детстве часто одалживал мне свои рубашки. Да и у Дэйра в гостях я нередко спала не в девчачьей ночнушке с кружевами, а в одной из его футболок.

Окажись на месте Ксиля Дэриэлл, он бы понял все без слов...

Но в отношении постороннего мужчины моя просьба прозвучала исключительно неприлично.

Максимилиан бросил на меня косой взгляд из-под длинных ресниц. Краешки бледных губ изогнулись в улыбке. Будь он девушкой, я бы сказала, что он... кокетничает?

Улыбка тут же превратилась в ухмылку.

Эмпаты, они такие. Мне достался еще не худший вариант, если рассудить...

– Ладно уж, забирай. – Князь хлопнул меня по плечу и отступил к кровати, на которой лежало несколько пакетов. – Будем считать, что это был элемент флирта с твоей стороны.

От возмущения я поперхнулась вдохом и полностью позабыла о страхе перед шакаи-ар.

– Прекратите! Вы... то есть ты прекрасно знаешь, что это не так! Я вовсе не хотела ничего такого, случайно вырвалось. Я правда ужасно сожалею, что...

– ...выклянчила у меня любимую рубашку. Эй, не дуйся. – На его губах расцвела искренне веселая, невероятно заразительная улыбка. – Я рад, что ты начала ко мне привывать. Так что не вздумай возвращать рубашку и тем более не делай из всего этого трагедии. Я и так собирался сделать тебе сегодня несколько подарков для налаживания отношений... – Максимилиан одним движением разорвал шуршащий полиэтиленовый пакет. – Весьма функциональная штука, между прочим. – И кинул мне небольшой рюкзак.

Я в растерянности провела ладонью по «подарку», безошибочно распознавая материал, из которого был сделан рюкзак. Тут не ошибешься, при всем желании – теплое на ощупь, очень гладкое, словно и не из отдельных ниточек сплетенное, и плотное полотно.

Боги... Никогда не держала в руках чего-то столь дорогого...

Аллийские ткани и вещи из них, знаете ли... А рюкзак еще и с солидной магической начинкой. С виду маленький, но влезет в него целый вагон, и весить при этом будет пару кило. Для путешествия – самое то.

– А... для чего это? – осторожно задала я вопрос. Прозвучало это глупо, но телепат понял все правильно.

– Для путешествия. У тебя ведь нет походной сумки, в которую можно сложить вещи – одежду, ингредиенты для зелий и прочее, – улыбнулся он ободряюще.

– О... но я не могу с ним ходить, – отвела я взгляд, стараясь поточнее высчитать стоимость «подарка». – Вдруг он... порвется? Нет, не порвется, это же аллийский шелк... А если потеряется? – Я в замешательстве мяла в кулаках лямки рюкзака. Бездна, если и вправду потеряю – никаких карманных денег не хватит, чтобы расплатиться.

– Найта, ты плохо слышишь? – Я поежилась, различив в голосе князя отчетливые нотки раздражения. Максимилиан сидел на кровати спиной ко мне, роясь в пакетах, но дорисовать в воображении выражение его лица, чуточку презрительное и насмешливое, мне труда не составило. – Я же сказал: это – подарок. И не вздумай отказываться. Если тебе удоб-

нее – можешь считать, что таким глупым способом я пытаюсь купить твое расположение. А можешь немного задуматься и осознать наконец, что я просто освобождаю от множества проблем и себя. Будешь сама заботиться о своих вещах, мне некогда. Боги, как же это все утомительно... – пожаловался он в пространство.

Я виновато передернула плечами, забыв, что Максимилиан этого не видит.

Тем временем он потянулся и откинулся на спину. На мгновение замер, расслабленно вытянув руки по покрывалу, потом перевернулся на бок, подперев кулаком подбородок. Глаза были чуть сужены, зрачки то вытягивались веретеном, то расширялись черным провалом в ничто.

– Но...

– Никаких «но». Думаю, все возможные драки окажутся на моих плечах. И хорошо, если в бою на них не будет висеть ничего лишнего. Ни рюкзаки, ни сумки, ни малолетние равейны. Это, если непонятно, намек на то, чтобы во время сражений ты сидела тихо, как мышка, и не рвалась никуда с одной алхимией в арсенале.

– А будет много сражений? – машинально переспросила я, пытаюсь осмыслить все, что наговорил этот невозможный князь. Кажется, путь к королевам нам предстоит не из легких.

– Будет, все будет... – пообещал Максимилиан и зажмурился, словно от удовольствия. – И еще, – вдруг встрепенулся он. – Это тоже для тебя. Новая одежда, как я и обещал.

Честно, я думала, что чудо-рюкзак исчерпал мой запас удивления на сегодня. Но то, что мне сейчас протягивал Максимилиан...

Дорожный костюм. Да. Если это слово можно применить к произведению искусства, которое мне предлагалось надеть. На первый взгляд – ничего особенного, но я-то довольно долго прожила в Дальних Пределах и знала, на что смотреть. Даже не на покрой – он был универсальным. На ткань.

Темно-синяя и довольно жесткая материя пошла на длиннополую куртку и брюки, нежная бело-голубая – на рубаху, но кое-что их объединяло. Сияние, словно проступающее изнутри, на фоне которого даже серебристая вышивка с традиционным листовным орнаментом казалась излишеством. Дома в шкафу висело мамино платье из этой драгоценной аллийской ткани, и поэтому ее я признала сразу. Но никогда не думала, что мне придется надеть нечто подобное. Слишком дорого, слишком «напоказ» – были материалы более дешевые и не слишком уступающие в прочности.

Вещи из аллийских тканей почти всегда шились на заказ, к торжественному случаю. А если их дарили, то либо очень близким людям, либо тем, на кого хотели произвести впечатление.

У меня впечатлений было сейчас выше крыши.

Нельзя, нельзя такое брать! Но... так хочется! Когда еще я надену такой наряд? Может, и никогда в жизни.

– Нравится? – Князь наблюдал за мной с доброжелательным любопытством. Но по спине почему-то пробежали мурашки. Словно был в происходящем какой-то подтекст, которого я еще не понимала.

– Очень! Спасибо огромное.

Он улыбнулся, но когда заговорил, тон его был самым серьезным:

– Рад, что ты ответила искренне. Без всяких этих ужимок вроде «не могу принять такой дорогой подарок, как неприлично» и прочего. Такое жеманство раздражает, знаешь ли... Ладно. Переодевайся. Я отвернусь, – добавил князь, опережая мою просьбу.

С трудом справившись с пуговицами, я расстегнула старую рубашку, кинула ее на кровать и протянула руку к льдисто-голубому шелку. Да... Вот что значит аллийская одежда – не только красиво, но и функционально. Никаких тебе отлетающих пуговиц и заедающих молний – надежная шнуровка и капелька магии.

Когда я оказалась у зеркала, в голове у меня осталась всего одна мысль – вот бы в этом заявиться в школу. Пусть все завидуют.

– Синий тебе идет, – вкрадчиво протянул Максимилиан, обнимая меня и притягивая к своей груди. Щеки словно жаром обдало, хотя отражение мое продолжало оставаться бледным – под стать князю. Сейчас мы с ним вообще напоминали брата с сестрой – черноволосые, белокожие... Даже глаза чем-то были похожи. Только мои – светло-зеленые, с застывшим в них настороженным выражением, а его – темно-синие, довольные, с блеском собственника. – Очень. Замарашка превращается в принцессу, да? – Я смутилась и, вывернувшись из объятий, шагнула вперед. Он удержал меня за плечо. – Остался один штрих...

И раньше, чем я успела что-либо сделать, мелькнули когти, и волосы, мои чудесные волосы – единственное, чем я по-настоящему гордилась! – укоротились в три раза: теперь концы плясали на уровне лопаток.

– Придурок! – выпалила я в порыве праведного гнева и почти сразу же сообразила, что и кому говорю. По спине словно скользнула холодная змейка страха. Мы с князем не ровесники и не друзья, даже если он пытается сделать вид, что так оно и есть. – Простите. – Я опустила глаза, пытаясь не расплакаться. Еще не хватало...

Максимилиан, кажется, и вовсе не заметил эту короткую вспышку.

– Тогда уж «прости». Мы же на «ты» общаемся, забыла? Подожди, я еще не закончил. – Он развернул меня лицом к зеркалу. Я нехотя покорилась. Все равно уже ничего не поделаешь.

– Зачем вы... ты это сделал?

– Затем. – Максимилиан скрутил черные пряди в блестящий жгут и закрепил на затылке двумя серебристыми спицами. Я вздрогнула, ощутив прикосновение сильной магии. Защитный амулет? Или атакующий? – С такими космами только по лесам бегать.

– Можно подумать, что костюм из Пределов подходит для этого идеально, – пробормотала я, стряхивая с рукава длинные волосинки. Жаль. Правда жаль.

– Хочешь – иди в одной рубашке. И босиком, – серьезно предложил князь, постепенно складывая в рюкзак вещи, разбросанные по кровати, а затем и свою собственную сумку. Не хочет сам нести или...

Ах да, ведь моя ноша от этого тяжелее не станет, а у нашего храброго воина-защитника руки будут свободны.

– Не сердись, – негромко заметил Максимилиан, не оборачиваясь. – Длинные волосы тебе очень идут, но ты их двадцать раз проклянешь, пока будешь мыть в каком-нибудь холодном ручье или вычесывать из них по вечерам репы.

– Ничего ты не понимаешь. – Я грустно оглядела пол, усыпанный черными прядями. Дэриэлл наверняка огорчится, когда узнает. А что скажет мама...

И вот вопрос... С чего такая забота? Новая одежда – это, конечно, хорошо. Однако вполне можно было ограничиться и джинсами с водолазкой. Такое чувство, будто меня задабривают подарками. Впрочем... Возможно, князь просто привык поступать по своему разумению, не прислушиваясь к мнению остальных. Сам он, похоже, любит дорогую одежду, вот и купил мне такую же, не раздумывая... Подумал, что с длинными волосами я буду слишком много возиться – вот и обрезал. Никакой заботы, эгоизм в чистом виде.

Кстати, о волосах.

Опустившись на колени, я принялась неловко сгребать в кучу то, что еще недавно было частью моей шевелюры. Боги, когда еще теперь отрастет до прежней длины... Максимилиан заинтересованно склонился:

– Неужели в тебе проснулась аккуратность?

– В таких делах небрежность может стоить жизни, – невнятно произнесла я, пытаясь отключиться от глухого раздражения. – Если к кому-нибудь попадет хоть один волос

или капля крови, то достаточно будет вот такого узора – мои пальцы начертили в воздухе несколько спутанных линий – и капельки силы, чтобы отыскать жертву даже на краю света. Для этого даже не нужно быть равейной или магом – достаточно просто уметь *чувствовать*.

Князь фыркнул, но внимательно оглядел медленно тающие в воздухе узоры. Я машинально ощупала карманы, вспомнила, что спички благополучно сгнули вместе с милыми моему сердцу драными джинсами. Придется поколдовать... Я глубоко вздохнула и сосредоточилась, пытаюсь взглянуть на мир по-другому. Постепенно сквозь очертания предметов проступили тонкие светящиеся нити. Нужная мне сияла теплым золотистым светом. Неактивная, инстинктивно поняла я. Слишком слабая. Ну, сил-то у меня, достаточно... Тем более что здесь хватит одной маленькой капли.

Секунда – и кучка волос на полу полыхнула голубоватым бездымным пламенем. А вскоре от них даже пепла не осталось.

Со стороны могло показаться, что мусор вспыхнул сам собой – магию со стороны практически не было видно. Маму всегда удивляло то, как я, не умея делать почти ничего, умудряюсь колдовать незаметно для других. Никогда не понимала, что в этом трудного. Только взять одну из паутинок, осторожно отделить – и забавляться уже с ней. Но почему-то никто, кроме меня, этих нитей не видел.

Ладно, как говорится в старой пословице, все ведьмы колдуют по-разному...

– А что у вас... у тебя за дела были в городе? – спросила я, чтобы молчание не затягивалось.

– Охота, – с готовностью пояснил князь и искоса глянул на меня, ожидая реакции. – Может, тебе в подробностях расписать, как именно? И показать? Не стесняйся, спрашивай.

Я нервно передернула плечами. Охота... в качестве жертвы мне уже довелось побывать.

– Лучше не надо. Ну... а в городе спокойно? – Вторая попытка наладить диалог.

Князь пожал плечами:

– Насколько я знаю, да. Если ты сильно устала, можем задержаться на несколько часов. И, кстати, у меня еще есть...

Что там у него еще есть, я так и не узнала, ибо в этот момент рассветную тишину разорвал трескучий голос:

– Открыть, по слову зрителей!

Кричали откуда-то снизу, с улицы, хотя в первую секунду показалось – прямо за дверью. Мое трусливое сердце пропустило несколько ударов, а потом с лихвой возместило упущенное.

– Значит, спокойно?

– Было спокойно!

Плещ. Рюкзак. Оглушительно хлопнувшая дверь. Кафель ступеней неприятно холодит голые пятки. Третий этаж, второй... Врываемся в первую попавшуюся комнату, князь в прыжке вышибает и стекло, и решетку... Острый осколок впивается в ногу. Краем сознания отмечаю этот факт, но боль кажется далекой, как будто принадлежит не мне. В висках глухо томкают невидимые молоточки... Невероятный прыжок (так это второй этаж или все-таки третий?), лодыжка взрывается болью, но я цепляюсь за протянутую руку, черные когти впиваются в ладонь, и мы бежим, бежим... Паника пульсирует в венах, голова легкая-легкая, как будто внутри толкуются воздушные шарики...

Внезапно асфальт обрывается – мы в городском парке. Земля мягко пружинит под моими ногами, прогоняя усталость из ноющих костей. Я, ведьма, действую как примитивная шаманка. Земля не моя стихия, но я безмолвно прошу о помощи – и получаю ее. Чужая сырая сила наполняет меня, позволяя сделать еще один отчаянный рывок.

Мы бежим. Легкие горят от бешеного темпа, глаза застилает пелена. Мир исчез, осталась только влажная земля, ласкающая ступни, и сухая, горячая ладонь в моей руке... Я проваливаюсь в странный транс. Краски выцветают, но я вижу – нет, кожей чувствую пронизывающие пространство нити. Они тянутся со всех сторон к одной точке. Часть нитей проходит сквозь наши тела, и мы скользим по ним, как бусины по леске. Нас ведут... мы бежим. Мышцы сводит, я начинаю терять сознание, и тут мы резко тормозим.

Слишком резко.

Полыхнув, нити исчезают. В изнеможении сползаю на траву, привалившись к ноге князя. Способность связанно мыслить постепенно возвращается ко мне, и я понимаю, что мы окружены, и дела наши... весьма и весьма...

Их было десять. Двое в черном – охотники на шакаи-ар, еще один, с зеленой полоской на воротнике, – *магически иммунный*, проще говоря – кайса, убийца ведьм. Четверо серых держали на изготовку арбалеты. И двое магов.

Двое...

– Не совершайте резких движений, и, возможно, вы останетесь живы.

Живы! Как же! Я истерически всхлипнула, уткнувшись в колени Максимилиана. Тот вздрогнул и нарочито плавно, стараясь не провоцировать инквизиторов раньше времени, опустился рядом. Обнял бережно, будто кости у меня были хрупкие, как спички...

Горячее дыхание опалило висок.

– Не грусти, малыш. Прорвемся... – Чуть слышный шепот.

Максимилиан поднялся с земли. Зачарованная, я, запрокинув лицо, следила за каждым его движением. Он заговорил, и его голос, обычно звонкий и глубокий, сейчас жутко и сладко обволакивал нас, как растопленный шоколад.

– Господа смотрители, опустите арбалеты, прошу вас. Девочка ни в чем не виновата. Она от меня уже достаточно натерпелась. – Куртка спланировала на землю. – Нет нужды применять силу. Смотрите, я не сопротивляюсь...

Князь слегка откинул голову назад... и начал медленно расстегивать пуговицы на рубашке. Я едва не подавилась плотком воздуха – так неожиданно и глупо это выглядело со стороны. Но инквизиторам, похоже, казалось иначе. Они следили за Максимилианом, не отрываясь. Взгляды стали липкими – меня передернуло при мысли о том, что они могли быть направлены на меня.

Ксиль не выглядел сейчас князем шакаи-ар, жестоким и смертельно опасным. Он выглядел... жертвой?

Да. И такой, которую хотелось сокрушить. Ударить, сминая кости, окрашивая бледную, нежную кожу алой кровью. Поставить на колени и...

Темный шелк рубашки, как песок, просочился сквозь его пальцы. Я механически потянулась к ней, пригибаясь к самой траве.

И в этот момент вселенная свихнулась.

Черный туман, пронизанный сполохами безупречной синевы, растекался по поляне, сбивая с ног не хуже тарана, чтобы в следующее мгновение трансформироваться в крылья за спиной князя. Я распахнула глаза, не веря себе – *псевдоматерия? Та самая, редкая, над опытными образцами которой Дэриэлл трясся, как скупец над последней золотой монетой?* А еще через секунду бледные руки рванули меня вверх. На стремительно отдаляющейся поляне остались лежать несколько скрюченных тел. И только двое охотников выли, катаясь по земле, в тщетной надежде удержать ускользающий разум. Князь яростно взбил крыльями воздух, мелькнул знакомый темный туман. Гравитация в очередной раз сошла с ума, и мы понеслись куда-то с чудовищной скоростью, обгоняя неуклюжие серые облака.

Ветер хищно впился в спину, заживо сдирая кожу. Дыхание давалось с трудом, даже сквозь прижатую к плечу князя скомканную рубашку. Максимилиан счастливо и безумно расхохотался, заложил мертвую петлю и – упал камнем вниз, вниз, вниз, затормозив у самой поверхности. Взмыл к небу по сужающейся спирали.

К горлу подкатило. В глазах начало темнеть. Похоже, что меня не тошнило только потому, что желудок из-за этих кульбитов не успевал понять, где находится рот.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем железная хватка на моей талии ослабла и мы начали снижаться. Промелькнули ветки, меня дернуло вверх, как при остановке лифта... Более или менее я пришла в себя, уже стоя босиком на колючей лесной подстилке, – листья, веточки, почва...

Максимилиан стоял рядом. Облаченные в псевдоматерию крылья судорожно вздрагивали. Руки были опущены по бокам, ладони сжаты в кулаки, глаза закрыты. Я осторожно коснулась темной бархатистой «кожи», горячей и чуть влажной. Если верить книгам, она защищает раскрытые крылья от излишнего расхода энергии... Предельно сложный механизм, использующийся только в первое время после достижения статуса князя.

Похоже, Ксиль не лгал о своих возможностях... До последней минуты не верила.

– Твое секретное оружие, да?

– Не такое уж секретное, зато очень мощное, – невесело усмехнулся он, чуть расслабившись и открыв наконец глаза. – Одно прикосновение к *раскрытым* крыльям лишает разума любого человека или аллийца, а в боевой трансформации может задеть и шакаи-ар. Было бы желание. Эмпаты и охотники частично защищены от воздействия, но полной гарантии никто не даст даже самым лучшим из них...

– Но ведь у охотников иммунитет к магии? – Я бездумно водила пальцами по внутренней поверхности крыльев. Князь не возражал, только в расширенных до невозможности зрачках мелькало странное чувство – то ли удивление, то ли любопытство. От прикосновения к нежной «коже» кончики пальцев начинало покалывать, будто сквозь них пропускали электрический ток.

Интересно, а он-то хоть что-нибудь чувствует? Или нервы во временном покрытии не предусмотрены?

– Это не магия.

– А что же?

Князь ответил далеко не сразу. Порыв ветра всколыхнул верхушки деревьев. Сухой лист сорвался с ветки и медленно, по спирали спланировал вниз, черкнув по крылу. Максимилиан вздрогнул и выпрямился.

– Душа. – Глаза его стали смертельно серьезными. – Вот оно, наше оружие. Неотражимое и всесильное. Все очень просто – познание чужой души сводит с ума. Абсолютная власть, да... Правда, за любое могущество приходится платить свою цену. За ментальное воздействие. За право раскрыть крылья. За игры с гравитацией.

– И какова же цена? – поинтересовалась я. Что-то в его тоне мне не нравилось. Обреченность и... вина? И при чем здесь я? Что-то не то спросила?

Коленки подогнулись. Скомканная рубашка выскользнула из ослабевших пальцев. Уже не просто дурное предчувствие – чистый страх затопил сознание. Почему же?..

– За одну минуту в раскрытых крыльях сгорает столько энергии, сколько вырабатывает за день атомная электростанция.

Станный взгляд. В синих-синих глазах – сожаление. Такое пугающе искреннее.

В ушах зашумело. Или это ветер поднялся?

– Прости меня, Найта.

Я непонимающе смотрела на него.

– Прости... – Тишайший, ласковый шепот.

И тут я поняла.

Энергия. Колоссальные энергетические потери.

Поздно сообразила, дурочка... Надо было догадаться раньше – до того, как поддерживающие, оберегающие объятия превратились в удерживающий захват; до того, как чужие пальцы сдавливали плечи до синяков, до мерещащегося хруста костей; до того, как страх, необоримый и стыдный, уничтожил саму способность сопротивляться, плести заклинания, бежать...

Слишком поздно!

– Прости...

«Противно чувствовать себя едой», – промелькнула мысль.

Горячие пальцы скользнули по руке почти нежно. И – начали медленно выкручивать запястье, так, что нервы словно превратились в раскаленные нити, а вспышка боли отдалась в позвоночнике.

Неудивительно, что самого укуса я не почувствовала. Просто через некоторое время все ощущения перекрыло ощущение тошноты и слабости. По нарастающей – сильнее и сильнее, так, что уже безразлично было, как прекратить эти мучения. Да хоть бы и умереть.

А потом – как обратная реакция – наступила едва ли не эйфория. Головокружение, звенящая легкость во всем теле и пришедшее извне ощущение чужой любви – настолько абсолютной и всеобъемлющей, что, казалось, она исходила от некоего высшего существа.

...Земля в лесу была влажноватой и холодной. Я сидела, обессиленно привалившись к древесному стволу, и механически царапала обломанными ногтями выступающий из почвы корень.

«На штанах будет мокрое пятно, – подумала я. – Надо вставать».

В уши словно вода попала – звуки заглушал гул, а собственная речь доносилась словно со стороны.

– У меня же еще две попытки. Или я считаю неправильно? – Не поручусь, но голос, кажется, все-таки дрожал. Шутка, и без того не слишком удачная, прозвучала и вовсе как жалоба.

Максимилиан потянулся ко мне. Я инстинктивно отпрянула, ударилась головой о дерево, ойкнула, заалела как маков цвет и отвела глаза. Князь только вздохнул:

– Выбора не осталось. Я должен был сложить крылья, а силы закончились. Чем дольше я ждал бы, тем больше пришлось бы взять потом.

Значит, «больше», чем сейчас? Выходит, мне повезло.

– Понимаю.

– Я не хотел. – Он присел рядом. На сей раз мне удалось не дернуться, и голова не пострадала. – То есть, конечно, хотел, но...

По логике вещей, Ксиль сейчас не мог говорить искренне. Однако именно такое впечатление и создавалось. Он что, правда... раскаивался? Быть такого не может. Я неуверенно обернулась, встречаясь с ним взглядом... и застыла.

Красивым людям сложно сопротивляться. Красивым и обаятельным – трудно вдвойне. У Ксиля в достатке было и того, и другого. Я смотрела на него – на искусанные до пунцового цвета губы, на слегка слипшиеся от влаги ресницы – будто он сморгнул непрошеные слезы, на синие-синие глаза, полные неподдельного чувства вины... И понимала – все, пропала. Не могу ни злиться, ни обижаться.

В конце концов, князь прав. Какую бы он еще нашел себе жертву здесь, в лесу? Зверюшки не подойдут, они неразумные.

Впрочем, и я недалеко от них ушла.

– Ладно. Забыли.

Ксиль улыбнулся – так, что на душе у меня словно тучи разошлись и солнышко выглянуло. Я отчего-то вдруг почувствовала себя старше, чем он.

– Ты у всех своих жертв потом прощения просишь? – хмыкнула я, ощущая необъяснимое желание податься вперед и провести рукой по его волосам. Какие они, интересно? Черные – значит, должны быть жесткими. А на вид – как шелк. Вот странно.

– Только у тех, кто остается в живых. И потом, я очень не люблю оказываться в ситуации, когда просто не остается выбора. Страх смерти – неприятная штука, и еще неприятнее, когда из-за своих инстинктов, из-за своего страха смерти лишаешь кого-то жизни, – совершенно серьезно ответил Максимилиан, не спуская с меня взгляда. – Осознанное убийство или покушение на убийство – другое дело, а это... просто слабость. Поэтому прими мои извинения.

Стало неловко. В последний раз так было, когда математичка просила у меня прощения за то, что несправедливо обругала. Тогда тоже в груди чувство довольства перемешивалось со смущением.

– Пожалуй, если разведешь костер, то прощу! – отшутилась я, стараясь прогнать напряжение. Почему-то теперь общаться с князем на равных, как он просил, стало легче. Ну да, экстремальные ситуации сближают, как говорил Дэйр...

– Замерзла? – Ксиль выгнул брови. В глазах его промелькнуло озорное выражение. – Зачем тогда костер? Может, лучше сюда присядешь? – и он с самым серьезным видом хлопнул себя по колену. Так, будто предлагал совершенно нормальную вещь.

– Шел бы ты... за дровами, – выпалила я в сердцах и тут же прикусила язык, напоминая себе, что не с ровесником общаюсь.

Ксиль хмыкнул, но послушался и направился в глубь леса. Между тем очертания крыльев размылись, контур задрожал и вспух черным туманом. Я внимательно следила за тем, как языки тьмы втягиваются в бледную кожу, пока князь не скрылся за переплетением ветвей. А я осталась наедине со своими мыслями. Не самое приятное общество, вообще-то. И мысли неприятные.

Станный он какой-то, этот Максимилиан... Неправильный. Я видела раньше шакалар из клана в нашем городе, и у всех, даже едва справивших столетие новичков, мелькало в глазах что-то такое... Древнее. И жестокое. С ходу и не скажешь – тридцать ему лет было *до того* или только шестнадцать. А Максимилиан казался бессовестно молодым, почти моим ровесником. Легко было забыть о его истинной сущности и расслабиться, заболтаться с ним, как со старым другом – там отшутиться, тут подколоть, схлопотать остроту в ответ, а потом вспоминать разговор с горьковато-сладким чувством.

До мурашек по спине.

Я прикрыла глаза. После бессонной ночи, адреналинового безумия и вынужденного донорства дремота накатывала непреодолимыми приступами. Гул в ушах постепенно сходил на нет. Да и прочие неприятные ощущения – слабость, головокружение – постепенно исчезали. Из чистого любопытства я провела рукой по шее, подсознательно ожидая наткнуться на классический след от вампирского укуса, примерами которого так щедро потчевала нас киноиндустрия.

Ничего – ни малейшего следа. Но это на физическом уровне. А на энергетическом... Сама себе я напоминала наполовину сдутый футбольный мяч. Жизненных сил почти не осталось, энергоконтур всмятку... Крови я потеряла не так уж много, судя по ощущениям, но восстановить ее будет труднее, чем все остальное, что со временем исправится и само.

– Вот, держи.

Я подскочила на месте, не сразу сообразив, что просыпавшийся рядом обильный дождь из веток и палок и есть обещанные дрова. Князь стоял рядом и по-кошачьи брезгливо отряхивал руки от мелкого сора.

– А как же костер? Не будешь разводить? – робко предположила я, отгребая от себя ветки. После такого резкого перехода от полудремы к бодрствованию голова опять начала кружиться.

Ксиль только плечами передернул:

– Спичек нет. А сама не можешь? Ты же равейна.

– Нет. Сейчас – не могу. И будь любезен, оденься, – проворчала я, отворачиваясь. Смотреть, как Максимилиан отряхивает соринки с груди и живота, было почему-то неловко. Князь фыркнул, но скомканную рубашку подобрал, расправил и надел, правда, не утруждая себя застегиванием пуговиц, а потом принялся укладывать деревяшки в подобие шалашика. – Не совсем понимаю, зачем вообще понадобилось раздеваться, да еще на глазах у зрителей, – добавила я, скрывая смущение.

– Рубашку пожалел, я сейчас не так хорошо крылья контролирую, чтобы ее ими не порвать. К тому же так сложно было устоять, – пакостливо улыбнулся Ксиль. – Они же этого хотели... Подсознательно, разумеется. А кое-кто даже вполне осознанно представлял себе довольно... хм... *интересные* сюжеты. Любители мальчиков. Нет, я понимаю, Орден, полувойенная организация, с девушками проблемы...

– Ясно. – Я покраснела и быстро сменила тему. – Ты точно спички не взял?

– Нет, – он качнул он головой, но сразу обнадежил: – Не переживай, без спичек обойдемся.

– А как? – Мне стало любопытно. Магией шакаи-ар не владели, по крайней мере стихийной.

– А так!

Ксиль быстро разворошил груды дров, выбрав несколько палочек, какой-то мелкий и легкий мусор, вроде сухого мха и трухи. Я с интересом следила за его действиями. Вот он сгребает мох в кучу, совершает сложные, почти мистические манипуляции с палочками, и...

– Фу! – разочарованно протянула я, когда из трута повалил дым, а через некоторое время стараниями Ксиля и огонек показался. – Это же трение просто.

Он рассмеялся, не зло, но обидно:

– Ты точно домашний ребенок, Найта. Все либо спичками, либо магией. А если ни того, ни другого нет?

– Ну...

– «Ну»! – передразнил меня он и опять улыбнулся: – В жизни все надо уметь. Мало ли что пригодится.

– Все равно у меня бы не получилось. – Я нахохлилась и подтянула коленки к подбородку. Мне было завидно. Самую капельку, но все-таки.

– Злись чаще, тебе идет, – хмыкнул Ксиль.

Костер разгорался все сильнее, и вскоре около него уже действительно можно было греться. Я потянулась к нему... и охнула, когда оперлась на больное запястье – то самое, которое выкрутил Ксиль во время «кормежки».

– И почему шакаи-ар такие садисты... – пробурчала я, потирая руку.

– В смысле? – хитро сощурился князь. «Зуб даю, что он все понимает», – подумала я, но все-таки постаралась сформулировать вопрос. Раз уж Ксиль настроен разговорчиво и благожелательно, почему бы не прояснить некоторые моменты? Один знакомый целитель точно бы одобрил такое поведение.

– В смысле, что ваши жертвы чаще умирают не от потери крови или силы, а от переломов и болевого шока. Это врожденная жестокость или приобретенная? – Не знаю, как это вышло, но вопрос получился очень дэриэлловским – спокойным и слегка снисходительным. Впрочем, Ксиль даже не обиделся.

– Хм... А ты знакома с механикой процесса? – вкрадчиво спросил он с тем же выражением, с каким говорил о тайных мыслях зрителей в полувоенной организации... Тьфу ты!

– Нет! – ответила я, пожалуй, слишком поспешно. – Я *таким* не интересуюсь.

– *Таким*... Скажешь тоже, – искренне обиделся князь. – Ты еще сморщи носик и скажи, что это неприлично и неподобающе. Впрочем, неважно. Слушай. Голод – это не просто желание набить желудок. Есть, конечно, и физическая сторона, но если бы дело было только в ней, я бы предпочел ограничиться чашкой кофе и парой бутербродов. Ну, или лососем, запеченным на гриле... Э-э, ну, это не к теме! Так вот. Голод – это скорее истощение. И во время процесса я не только пью кровь, но и вытягиваю жизненную силу и магию – это энергетический голод. Фактически кровь нужна только как проводник. Обычно сильным князьям достаточно маленькой ранки, нарушающей кожный покров. А старейшина может тянуть силу и одним прикосновением... – На лицо его набежала тень, словно вспомнилось что-то неприятное. – Есть еще третья сторона – эмоциональная, и этот голод тоже требует утоления. Но в обычном состоянии человек испытывает слишком мало эмоций. Приходится... э-э...

– Стимулировать? – подсказала я. Дэриэлл может мной гордиться.

– Вот-вот. Способы разные. Поиграть в смертельные прятки, выскочить из-за угла, сломать руку... Поцеловать, в конце концов. – В голосе вновь появились опасно-тягучие нотки. У меня мурашки по спине побежали. – Тоже хорошая стимуляция эмоциональных взрывов. Но проще всего, конечно, причинить боль. Иногда увлекаешься настолько, что не можешь остановиться. Ведь чистые эмоции и жизненная сила текут рекой.

– А что предпочитаешь ты? – Идиотский вопрос вырвался прежде, чем я заткнулась. Максимилиан выразительно коснулся языком кончиков клыков.

– Совмещаю. Но лучше всего, когда жизнью делятся добровольно. Совершенно потрясающее ощущение – самопожертвование. Сладкое и горькое одновременно. В этом случае эмоции столь сильны, что стимулировать их не нужно. Так что если захочешь расстаться с жизнью, я всегда к твоим услугам, – подмигнул он.

Я нервно хохотнула, представив себе бредовый телефонный разговор: «Знаешь, мне что-то жить надоело... Ну, учителя достали, экзамены на носу...» – «Так в чем проблема? Приезжай, я как раз проголодался!» Да уж... Но тут мне в голову пришла пугающая мысль:

– Подожди... но ведь шакаи-ар – поголовно эмпаты! Это же не значит, что ты чувствуешь...

– То же, что и жертва. И боль, и удовольствие.

– А... смерть?

– И смерть у нас на двоих.

У меня закружилась голова, и на этот раз недомогание не имело ничего общего с кровопотерей. Боги, сколько же раз он умирал... по-настоящему умирал, в отчаянии, как и его жертвы? За три тысячи лет – тысячи раз...

Неудивительно, что шакаи-ар такие... психи.

– Не представляю, как с *этим* можно справиться.

Голос у меня дрогнул.

Максимилиан блаженно потянулся и прилег, опираясь на локоть. Задумчиво посмотрел на меня, накручивая на палец жесткую черную прядь.

– С этим нельзя справиться. Можно только наслаждаться. Всем, что чувствуешь. Всегда. – Он помолчал. – Знаешь, в этом есть какая-то высшая справедливость. Когда чувствуешь то же, что и твоя жертва, то сразу пропадает желание играть в бога. Может, поэтому шакаи-ар ценят жизнь больше, чем вы, люди? Может, поэтому нам в голову не придет устроить, например, геноцид?

Я молчала. Я не знала, что ответить.

Видимо, я тогда поторопилась с характеристикой. Шакаи-ар не садисты, и он не садист. Он чокнутый, двинутый на всю голову мазохист.

Максимилиан поймал мой взгляд и понимающе усмехнулся.

– Никто не говорит, что это нормально по человеческим меркам, наивная ты моя. Но мы такие, какие есть. Привыкай.

Это «привыкай» мне весьма не понравилось.

Между тем костерок уже вовсю разгорелся. Я встрепенулась, порылась в сумке и плюхнула на огонь котелок, доверху наполнив его водой из бутылки. Пока вода закипала, нашла пакет с травами. Выбрала один толстый сухой стебель полыни – мешать зелье. Князь с интересом наблюдал, как в кипяток полетели синеватые листочки, ягоды рябины, эктаун, мята... Я медленно, в колдовском темпе размешивала варево, дергая за нужные ниточки. По часовой, потом против... Внезапно бурая масса зашипела, посветлела и вмиг покрылась ледяной корочкой. Я быстро сняла котелок с огня и, разбив сверкающую глазурь, наполнила кружку напитком, по цвету и густоте напоминающим мед. Отпила. Фу, кислятина, даже зубы сводит!

– А для чего это? – с любопытством наклонился мой спутник. Длинная челка упала на глаза, и тонкие пальцы отбросили ее чуть нервным жестом. Ха, меня бы тоже такие лохмы раздражали!

– Повышает скорость восстановления крови и придает сил. Не валяться же мне целый день. Ты тоже попробуй, не помешает. Хотя вкус, конечно, на любителя.

Максимилиан окунул палец в котелок. С интересом облизнул, прислушался к ощущениям... и скривился. Я возмутилась, но решила промолчать. Между прочим, хоть состав и несложный, а все-таки приготовить его почти без использования магии не каждый сможет. Спасибо Дэриэллу за уроки.

– А ты не можешь пополнить силы из природных источников?

– Каких источников? – искренне удивилась я. – У равейн сила идет изнутри. Мы – одушевленные стихии, такие очеловеченные кусочки огня, воды... И так далее.

Максимилиан задумчиво притянул колени к подбородку. Прищурился.

– Не знаю, что там со стихиями, но с силой у тебя все в порядке. Третий ранг, не меньше. Эстиль как минимум.

Я поперхнулась тягучим напитком. Из глаз аж слезы потекли.

Бред, бред! Меня проверяли много раз, и мама, и девчонки тоже смотрели, и никакой силы там и близко нет. Равейна – это мой потолок. Убогий седьмой ранг, человеческая продолжительность жизни и быстрое старение после пятидесяти.

А мама будет жить очень долго. И Хелкар. Но без меня.

– Да я ни на что, кроме простейших фокусов, не способна! Тут никакая «память матерей» не поможет! – Вдох, выдох, успокоиться. Отбросить эти глупые, честолюбивые мысли, в которые так приятно верить. Сильная, как же. И он – великий спец по равейновским рангам! Придумал, наверное. И все-таки бьется в груди глупая надежда, наивное: «А вдруг?» Кто не хочет жить долго? – И вообще, откуда ты знаешь?

– Я же тебя пробовал. – И еще так выразительно облизнулся, подлец. Пошутил, значит. Меня заполнило глухое раздражение.

– Ну и как тебе? – язвительно поинтересовалась я. Сердце все еще колотилось как бешеное.

– Вкусно.

Под пристальным взглядом я смутилась и уткнулась в кружку. Раздражение постепенно уходило, оставляя после себя только чувство вины и стыд. Раскричалась, молодец. Спокойней надо быть. Вот Элен бы точно из-за таких пустяков не расклеилась.

– Больше не дамся, и не надейся, – угрюмо буркнула я. Просто так, из чувства противоречия. – Буду сопротивляться до последнего.

– Ой, что-то не верится! – прыснул Ксиль.

Я обиженно засопела. А он вдруг оборвал смех и ласково провел прохладными пальцами по щеке:

– Не обижайся, мелочь.

Я отвернулась. Помолчала с минуту, с трудом возвращая себе спокойствие.

– Ладно... я уже отдохнула. Туши костер и можем идти. – Горло свело, и кислота снадобья была здесь совсем ни при чем.

– Отдохнула? Ну-ну, – вздохнул Ксиль, но принялся раскапывать влажную землю, чтобы затушить костерок, благо он почти прогорел.

Оставалась одна проблема... И обратиться с ней придется к Максимилиану. Как бы я ни хотела хранить обиженное молчание, но собственные ноги все же дороже.

– Максимилиан... А я кроссовки в гостинице оставила... И босиком идти не могу, и так уже на стекляшку наступила, вот, смотри! – Я неохотно продемонстрировала свою несчастную пятку.

– Черт с ними, с кроссовками, все равно рваные были! – отмахнулся князь беззаботно. – Я купил тебе ботинки, они в сумке лежат. А насчет этой царапины... – Он ловко поймал мою ступню и щекотно провел по коже когтем. – ...заклей пластырем и успокойся, через пару дней само заживет.

– И еще у меня в лодыжке что-то хрупнуло, когда я из окна прыгала, – упрямо гнула я свою линию. Остричь с князем я все-таки пока не решалась, но внутри зудело желание сделать ему гадость, прорываясь вот такими «мятежами».

– Сустав у тебя хрупнул. И вообще, хватит ныть. – Он бросил мне обещанные ботинки. – Не сможешь идти – на руках понесу.

Будучи не в восторге от такой перспективы, я быстро сунула ногу в ботинок, не озабовавшись даже обработкой царапины. С князя станется исполнить свою угрозу, а сейчас мне не хотелось иметь с ним ничего общего.

– Спасибо, но лучше я как-нибудь сама.

Котелок и кружку я оттерла листьями и сложила в пакет, а потом запихала в рюкзак. И – бросилась догонять Ксиля, который уже успел уйти метров на тридцать вперед.

Ведь в Срединном лесу лучше не теряться. И дело здесь вовсе не в размерах. Зря, что ли, аллийцы, давным-давно покинувшие это место, до сих пор вздрагивают, услышав название *Аль-кенто 'тэаа* – Великий-и-забытый...

Глава 5

В траве что-то зашуршало. Я шарахнулась в сторону, зацепилась ногой за корень...

Здравствуй, мать сыра земля! Какая ты вкусная...

Максимилиан – само терпение – прислонился к стволу, наблюдая за тем, как я встаю, жалуясь вполголоса неизвестно кому, отряхиваю колени... В пятый или шестой раз за день.

– Проблемы с вестибулярным аппаратом?

Я сердито посмотрела на него:

– Нет. Просто там в траве что-то было.

Князь бросил скучающий взгляд в пышное разнотравье. Зрачки на мгновение дрогнули и тут же вновь превратились в узкие черные щели.

– Боишься мышей?

– Я думала, это была змея, – вздохнула я. С «гадами ползучими» у меня отношения были особые. Нет, конечно, до обмороков от ужаса дело не доходило, но вот ступор или визг я могла гарантировать. – Не люблю их. В Дальних Пределах как-то наступила на змею... Хорошо, что у Дэриэлла было в коллекции противоядие.

– Не волнуйся, в этом лесу ты вряд ли *наступишь* на змею, – успокоил меня князь, углубляясь в чашу. Я с облегчением вздохнула и последовала за ним. – Тут водятся только древесные виды...

Я поперхнулась и вцепилась ему в рукав, одновременно пытаюсь поднять воротник. Высокие деревья, увитые ползучими растениями и поросшие лишайником, тут же показались мне мрачно-зловещими. Тусклый солнечный свет вязнул в густо-зеленой листве, как ложка в киселе. Время от времени ветки начинали шевелиться без видимых причин. Как в дешевом фильме ужасов.

– Д-древесные?

– О да! Но не волнуйся, они не особенно ядовитые. Главное – вовремя найти целителя. Знаешь, когда в жилах сворачивается кровь...

– И это ты называешь «не особо»? – выдохнула я сквозь зубы, преодолевая желание повиснуть на своем спутнике и спрятаться у него под курткой. Реальный шакаи-ар определенно пугал меня сейчас меньше гипотетических змей. Да и трудно было бояться такого князя – по-свойски веселого, бесцеремонного и беззлобно насмешливого. – Ксиль?

Он закусил губу, пытаюсь сохранить мрачно-серьезное выражение, но, глядя на мои испуганно округлившиеся глаза, не выдержал и расхохотался.

– Ты ведь пошутил, да? Ну скажи, что пошутил! – совершенно искренне взмолилась я.

– Я пошутил, мелочь.

– Seriously?

– Я всегда шучу абсолютно серьезно. Шутки – это тебе не игрушки...

– Дурак ты! – сорвалось с языка обиженное, прежде чем я его прикусила. – Ой... извини, пожалуйста, я не хотела... – зачатила я и выпустила его руку, чувствуя некоторую слабость в коленях.

Но Ксиль только разочарованно вздохнул.

– Опять за свое, да? – Он решительно притянул меня за талию, хотя идти так было не слишком удобно. – Что ты за трусишка такая? Чуть позволишь себе лишнего – сразу прячешься за извинениями. Не забывай, пожалуйста, что я телепат и в любом случае узнаю, что ты обо мне думаешь.

– Это не повод грубить, – сказала я, а про себя подумала, что Ксиль абсолютно прав – да, трусишка. Стопроцентная.

– Дело твое, – пожал плечами Максимилиан и добавил вкрадчиво: – Только учти, что, с моей точки зрения, если ты думаешь, что я дурак, и говоришь, что я дурак, – это смелость. Но если думаешь, что я дурак, а говоришь «Какая сегодня хорошая погода», – это лицемерие. А лицемеров я не люблю.

Мне стало себя жалко.

– Это шантаж, – убито вздохнула я. Что теперь, не думать ни о чем неприятном для него, что ли? – Ультимативное принуждение к грубости. Меня мама другому учила. И... не мог бы ты убрать руку из-под моей куртки? Я щекотки боюсь.

– Боишься, значит? – задумчиво протянул Максимилиан... и вдруг ухмыльнулся по-мальчишески, развернулся и запустил под куртку уже обе руки. Я ойкнула и дернулась, а через несколько секунд чуть ли не пополам сложились от приступа смеха. Ксиль немного меня помучил, а потом отпустил, позволяя глотнуть воздуха.

Тем не менее успокоиться удалось не скоро, а у меня вдобавок икота началась.

– Действительно, всего лишь боишься щекотки, – протянул князь с непонятным выражением. – Боги, и впрямь – невинный ребенок! Какое уж там лицемерие...

– Точно, дурак, – обиделась я. На этот раз извиняться совсем не захотелось. С чего бы это?

– Долго еще?

– Мы идем всего четыре часа, а ты уже ноешь. Что же будет потом?

Ответ прозвучал устало и, пожалуй, саркастически. Видимо, даже у шакаи-ар есть пределы терпению.

– А потом – это когда? – настырно переспросила я. Гудящие от усталости ноги являлись весьма существенным аргументом против робости и страха перед князем. Даже инстинкт самосохранения немного притупился.

Он вздохнул, сдаваясь.

– При такой скорости – примерно еще неделю. Не меньше. Конечно, все еще зависит от испытаний... Ну, тех самых.

Я глухо застонала. Про испытания на Пути королев мне было известно лишь то, что их не избежать. Ладно, Максимилиан вроде говорил, что возьмет самое сложное на себя. А вот время...

– Неделя... А нельзя как-нибудь сократить дорогу? – безнадежно поинтересовалась я. Если даже добраться до места проведения пикника было для меня сложным заданием, то что уж говорить о полноценном походе? Да еще по бездорожью.

Максимилиан, казалось, задумался. Я насторожилась.

– Сократить, говоришь? Можно. До двух с половиной часов – тебя устроит?

– Еще бы! – с готовностью выпалила я, временно преисполнившись энтузиазма. – А... в чем подвох?

– Для меня – ни в чем. – Он прикрыл глаза, мечтательно облизнулся. Демонстратор, чтоб его... – А вот для тебя... Впрочем, и для тебя ничего особенно неприятного. Мм?

Меня передернуло.

– Нет уж, я себя больше грызть не позволю. Лучше пешочком.

Максимилиан изобразил искреннее огорчение.

– А я бы не отказался... еще разок. Неужели тебе так противно?

– Омерзительно, – подтвердила я. И добавила, скорее убеждая себя: – Ужасно и гадко. И вообще – обидно. Вот.

– На вкус и цвет, как говорится... А некоторым нравится. – Он сощурил синие-синие глаза и сладенько улыбнулся. – Особенно юным наивным девицам...

– ...страдающим излишней романтичностью и полным отсутствием инстинкта самосохранения, – цинично закончила за него я. Спор из забавы начал превращаться в нечто серьезное. Меня не переставало преследовать ощущение, что Максимилиан имеет в виду что-то одно, а я понимаю совсем по-другому.

– И не только им, – продолжал между тем князь вкрадчивым тоном вербовщика из секты. – Ты удивишься, узнав, скольким эстиль нравится чувствовать себя уязвимыми и беззащитными. Многим шакаи-ар напоминают вампиров, а этот образ окружен ореолом романтики...

Я закашлялась, пытаясь скрыть смех. Вампирская романтика. Ну-ну. Ладно подростки, тем более человеческие, хотя и среди наших дурочек хватает: любопытство в чистом виде. А взрослые, мудрые, могущественные эстиль... Дэйр бы, наверное, сказал, что все дело в нехватке адреналина. Среди людей полно тех, кто жить не может без экстрима – без прыжков с парашютом, скажем, скалолазания или, на худой конец, «ужастиков» на ночь. По-моему, глупость несусветная. Этим могут увлекаться только те, кто никогда не боялся за свою жизнь *по-настоящему*. Например, «золотая молодежь» или...

...или древние, всесильные равейны, умирающие со скуки. Что ж, возможно, он прав, по крайней мере со своей точки зрения. Тем более эстиль и те, кто рангом повыше, вполне могут контролировать шакаи-ар и не позволять им причинять настоящий вред.

– Я не отношусь ни к первой, ни ко второй категории.

– Ну-ну. – Взгляд Ксиля стал теплым и каким-то... масляным, что ли, так говорят? – Только дай мне шанс, и посмотрим, что ты скажешь тогда.

Если бы так развязно себя вел один из моих одноклассников, то давно бы схлопотал учебником по затылку. А тут приходилось давить недовольство и молчать. И так – еще минимум неделю! Дни и ночи напролет! И кстати, о ночах...

– А палатка в рюкзаке? Или мы на земле будем спать? – поинтересовалась я и неуверенно добавила, будто бы оправдываясь: – Я насекомых боюсь... и змей тоже. Поэтому просто на земле, наверное, не усну.

– Палатки нет, есть кое-что получше, – ответил Максимилиан и интригуяюще замолчал.

– И что же это? – искренне заинтересовалась я. После костюма из настоящей аллийской ткани и зачарованного рюкзака можно было ожидать чего угодно. В том числе и карманного дворца вместе со рвом, яблоневым садом и фамильным привидением.

Однако Максимилиан не спешил раскрывать секреты.

– Потом узнаешь. Предупреждая твой следующий вопрос: потом – это вечером. Устроим привал, и сама все увидишь.

– А до вечера так и будем идти? – робко возмутилась я. – А поесть?

– Лично я сыт. Пока... Спасибо за угощение, кстати. Или я уже говорил?

Интересно, ему когда-нибудь надоест об этом напоминать? Да еще с таким невинным видом? Или это у меня паранойя, и в самых обычных словах мне мерещится издевка?

– А я – голодная! И уставшая. Вот свалюсь... – грозно посулила я.

– Свалишься – тогда и посмотрим, что делать, – проигнорировал Максимилиан мои угрозы с истинно княжеским великолепием.

И отвернулся. Прием окончен, господа недовольные имеют право молчать в тряпочку. Блеск!

На некоторое время воцарилась тишина. Максимилиан целеустремленно шагал вперед, руководствуясь при выборе дороги чем угодно, кроме здравого смысла. Я угрюмо плелась следом, перебираясь через коряги и бревна, проваливаясь в не замеченные вовремя ямы, продираясь сквозь бурелом... и размышляя о последних событиях. Мой похититель явно что-то недоговаривал.

Все это было очень странно. *Очень*. Ждала ли нас в Бирюзовом засада или встреча была случайной? Может, инквизиторы просто пришли проверить, как идут дела в гостинице, хозяин которой – шакаи-ар, и наткнулись на удирающих нас. Перебросили по тревоге все местное отделение, или как у них это называется, завязалась драка...

Или все-таки выследили? И если да, то кто им нужен? Я или Северный князь? С одной стороны, не такая уж я важная фигура, даже с учетом незаконной инициации... Но тогда почему зрители преследовали нас с девочками в Зеленем – непонятно. А ведь преследовали, сейчас уверенность в этом была стопроцентной. Тогда, в горячке инициации, я увидела их необычные, не похожие на человеческие ауры, но не обратила на это внимания. Страх перед шакаи-ар застил сознание так, что мне и в голову не пришло, что у зрителей тоже могут быть планы относительно нас. Причем планы довольно агрессивные: интуиция просто вопила о смертельной опасности, правда, я сначала подумала, что это из-за Максимилиана. Но сейчас он шел впереди, рядом, в двух метрах, и никакого предчувствия смерти и в помине не было.

Значит, все же инквизиция...

И еще. Что за дурацкая история с неиницированными равейнами? Кому могло понадобиться убивать *детей*? Шакаи-ар, что ли? Ну-ну. Все знают, что за этих девочек мы будем мстить, и мстить страшно. А если в дело еще вмешаются королевы, то убийце и христианский ад покажется вполне уютным местечком. А что касается остальной информации, которую сообщил мне князь... Про убитого кланника я лично ничего не слышала, так что в расчет его не берем. Максимилиан все сваливает на козни инквизиторов, но уж больно гладко у него выходит. Фанатики решили устроить геноцид и стравливают два самых сильных народа – сюжет для заокеанского блокбастера. Но сам князь верит в то, что говорит. А мне? Верить или нет? Вопросы, вопросы...

И последнее... но очень-очень важное. Наша звезда.

Я хорошо понимаю, что случилось. Мой страх взломал внутреннюю блокировку. Состояние аффекта – вот как это называется. В экстренной ситуации оказались востребованы все внутренние резервы. И *человеческих* сил оказалось слишком мало. Как следствие – инициация. И ладно если бы я «вскрыла» только себя, но девчонки тоже попали под раздачу. Хорошо хоть, мы совпали с одной из главных фигур, пусть и весьма и весьма призрачно, а то бы дело могло закончиться чем-то похуже преждевременной инициации. Несанкционированной, как ее называют в Ордене. Конечно, ни о каком умысле со стороны моих подруг говорить не приходится – круг замыкала я. Но инквизиция может... кхм... «не заметить» того, что все произошло случайно.

Та-ак. Опять проблемы?

За Джайян можно не беспокоиться. Ее мать – уважаемая равейна, да и бабушка тоже; дочь и внуку в обиду не дадут. Клан у них древний, кто-то из основателей рода, по-моему, входит в Совет королев. Отобьются.

Родители Айне – обычные люди, это защита даже надежнее. «Смертному» нельзя причинять боль посредством магии – закон един для всех, даже для инквизиции. К тому же пророки и целители – особая каста, они неприкосновенны. А у Айне – дар.

Феникс... Кажется, у нее было убежище «на крайний случай». Где-то в соседнем измерении. Если что – всегда успеет улизнуть. И, пожалуй, она единственная из компании, кто без труда пройдет испытание. Если, конечно, инквизиция будет играть честно.

Остается Этна. Ни родословной, ни укромной норы. Ни даже особенной силы, но характер... М-да. Если придется доказывать *право* – докажет и не поморщится. Просто из принципа. Да и моя мама вряд ли останется в стороне, если тронут кого-то из девочек. А мама... это мама. Вот уж за кого я абсолютно спокойна.

Но почему же так... страшно?

Я покосилась на князя, и мое беспокойство тут же улетучилось, вытесненное более насущными мыслями. Интересно, а *он* о чем думает? Идет себе как ни в чем не бывало. Сильный, уверенный... И красивый, зараза. Никогда прежде таких не видела. Феникс – не в счет. Она, конечно, красивее, но она девушка, а тут... гм, парень. Красивый. Красивый...

Под ноги подвернулся какой-то корень. Опять.

– И что на этот раз? – Голос у Ксилья был ровный, но губы уже растянулись в невыносимой, невозможной улыбке.

– На тебя засмотрелась, – абсолютно честно ответила я, прокручивая в голове последние несколько минут.

Максимилиан хотел что-то съязвить в ответ, но взгляделся в мое лицо, словно прислушиваясь к чему-то, закашлялся и отвернулся. С трудом вернув себе серьезное выражение лица, обратился ко мне:

– Ладно тебе... И вставай. Разлеглась тут... – Князь ворчал, но чувствовалось, что он доволен. Чем – загадка.

Я подумала, подумала... и решила повторить свой вчерашний трюк. Вдруг Максимилиан окажется сочувственнее, чем Джайян?

– Ни-за-что. Меня ноги не держат, – небольшое художественное преувеличение.

– Врешь, – уверенно заявил он.

– Вру, – согласилась я и заканючила: – А давай устроим привал?

– Нет.

– Ну *пожалуйста!*

– Нет, не сейчас.

– Ну, Ксиль, ну, пожалуйста, это тебе легко идти, а у меня ноги в траве путаются, и ветки за куртку цепляются, ой, и за шиворот что-то свалилось и кусается, а вдруг это не муравей, а...

Максимилиан молча наклонился и вздернул меня на ноги, а затем смерил мрачным взглядом. Я поняла намек и заткнулась. Ксиль продолжал некоторое время изучать меня, а потом вздохнул:

– Ладно. Если ты настаиваешь... Остановимся. Но ненадолго. И не здесь, – быстро добавил он, оглядев непроходимый бурелом вокруг. Всмотрелся в переплетение веток, уверенно кивнул: – Вон там – поляна. Думаю, нам подойдет.

– Ура!

Я рано радовалась. Через полчаса продираясь сквозь заросли орешника и крапивы в голову начали закрадываться сомнения, что искомая поляна – всего лишь способ заставить меня идти дальше. Но внезапно лес кончился, и мы вышли на... поле?

Оно было огромным. Но самым поразительным были не его размеры, хотя отыскать в таком древнем, глухом лесу свободный уголок ой как не просто.

Поле горело. Пылало. Пыхало...

Точнее, так казалось на первый взгляд. Розы – алые, пурпурные, бордовые, рыжие, бледно-золотые, густо-фиолетовые, до черноты – великолепнейшие розы, стелющиеся по земле, и розовые кусты высотой в два моих роста покрывали поляну сплошным ковром, а посреди этого огнистого цветочного безумия величественно раскинуло ветви дерево с золотистыми листьями, увитое лианами.

Время остановилось. Лишь странный назойливый звук, похожий на шелест тысяч насекомых, ввинчивался в уши. И только когда режущая боль в легких стала невыносимой, я поняла, что забыла, как дышать...

– Это... невероятно... – Казалось, слова даются князю с трудом.

– Ты раньше видел... подобное? – хрипло откликнулась я.

– Нет. Удачное место мы нашли, да? – В пронзительно синих глазах появилась хитринка. – Устроим здесь привал. И... давай-ка наперегонки к дереву. Кто последний – станет обедом!

Я счастливо рассмеялась. Ну как на него обижаться? И вообще, еще посмотрим, кто кого!

– На счет пять начинаем, – подначивающе подмигнул князь. – Раз, два... пять! – внезапно рывкнул он, пропустив «три» и «четыре».

Мы рванули с места. Земля прогибалась под ногами, как натянутое полотно. Конечно, шакаи-ар бегает быстро, но патологические трусики вроде меня тоже развивают неплохую скорость. Да и соревновались мы не всерьез. И поэтому я отстала ненамного и, когда Максимилиан резко остановился, врезалась в него. Со всей силы – чудом не вывихнув себе плечо, чудом не сбив с ног его самого, и на заплетающихся ногах влетела в то самое златолистое дерево – дезориентированная полностью.

«Ага, я первая, – пронеслась в моей гудящей голове шизофреническая мысль. – Интересно, каково это – получить шакаи-ар на обед?» Я глупо хихикнула.

– Найта! Найта!

Перед глазами все плыло и плясали разноцветные искорки. Как в планетарии, ага... или на салюте... *А почему Ксиль так орет?*

Назойливый шелестящий звук становился громче и громче. Теперь он шел откуда-то сверху. Я запрокинула голову, готовую развалиться на части. Краем глаза заметила, как Максимилиан приседает, группируется для прыжка...

Налетел ветер, и затрепетали, как язычки пламени, золотые листья, зашевелились лианы...

Лианы?

Тонкие, коричневые, блестящие...

Звук заполнил все пространство.

...Непрерывно изгибающиеся, желтоглазые лианы. О нет...

Горло словно сдавило обручем. Древесные змеи. Он не шутил... Острые мордочки вытянулись к земле, узкие тела соскользнули с веток, но за мгновение до того вниз хлынула живая волна, мощный удар отбросил меня в сторону.

– Беги, дура!

Тонкая, закутанная в черное, а оттого кажущаяся еще более хрупкой, человеческая фигура исчезла под лавиной извивающихся мерзких тел. Накатила тошнота.

Звук – жуткий, шелестящий – раздавался из-под каждого куста. Я неслась к лесу, перепрыгивая через маленькие коричневые смерти, позабыв себя от ужаса. Мир сузился до невидимой тропинки, ведущей за пределы ловушки, до отвратительного влажного шипения, до оглушительного биения сердца...

Что-то мягко ткнулось мне в плечо, оттягивая лямку рюкзака назад. Я повернула голову... и заметалась бессмысленными кругами, раздирая легкие криком.

Полутораметровая тонкая гадина вцепилась в плотную ткань.

– Сдохни, тварь... – Вместо крика из сорванного горла вырвался свистящий шепот. Но в ту же секунду спица в волосах полыхнула холодным огнем, в плечо ударил тупой разряд боли... Скорченное змеиное тельце, будто выжженное изнутри, осталось в траве, а я, полуслепая от ужаса, прыгнула вперед... и провалилась сквозь землю.

Перед глазами мелькнуло сплетение колючих лоз, полуразрушенная каменная кладка... Что-то холодное скользнуло за шиворот.

Снова крик. (*Это я кричу?*) Груда камней под ногами. Не падать, падать нельзя. (*Почему?*) Бег вслепую по каменным коридорам, все быстрее, быстрее. Бежать, натываясь на холодные стены, падать, набивая шишки, бежать...

(Зачем?)

(Где я?)

...Впечаталась локтем в перегородку, что-то хрустнуло, стена подалась в сторону, кувырком в темноту, ошестинившуюся ступенями...

Бег. Бег. Бег.

Ноги теряют опору, я лечу куда-то вниз.

Вспышка боли.

Темнота. Тишина.

Глава 6

Было холодно и ужасно неудобно. В спину впивалось что-то острое, в лодыжку, той, которую я подвернула, прыгая из окна, поселилась тупая ноющая боль. Стоп. Где я?

Я резко распахнула глаза и села. И – ничего. Та же темнота и тишина, нарушаемая лишь звуком капающей воды. А вдруг я ослепла? Нет, бред...

Воспоминания накатили внезапно. Прекрасная поляна, обернувшаяся смертельной ловушкой, отчаянный крик Максимилиана, его тонкая рука над извивающейся коричневой массой, в бледные пальцы вцепилось сразу несколько тварей. Паническое бегство, осыпаясь под ногами земля, безумие подземелья. И в завершение – вдохновенный полет с энной высоты.

Чу-удненько.

Я глухо застонала, уткнувшись в ладони. Только без паники. На князя рассчитывать не приходится, хорошо, если сам выживет. Да, шакаи-ар нечувствительны к ядам, но не в таких количествах. Парализованный, он будет беспомощным, и если до него доберется нежить или дикие звери... Не думать, не думать об этом.

Так, проблемы решаем в порядке поступления. С собой бы разобраться...

Осторожно, морщась от каждого движения, я сняла рюкзак и плащ. Встряхнула. На камни упало что-то металлическое. Найти предмет на ощупь получилось не сразу.

Спица. Выпала из прически после того, как я активировала вложенное в нее заклинание. И из-за этой вещицы я прошибала головной стеной? Надо что-то срочно делать с нервами.

Теперь – нога. Я, стиснув зубы, ощупала лодыжку, припоминая простейшие диагностические плетения, которым меня учил Дэриэлл, и вздохнула с облегчением. Ничего серьезного, похоже, просто слегка потянула. Потом, конечно, появится отек, но это не страшно. Идти могу – уже хорошо.

Жаль, не видно, куда.

Я истерически хихикнула, представив, как шарю руками в метре от выхода. А ведь такое вполне возможно... Вывод – надо раздобыть свет. Как бы это сделать? Ночное зрение не пройдет, в полной темноте – а здесь царит именно такая – даже шакаи-ар не видят. Да и пытаться корректировать глаза, когда с растяжением простейшим справиться не можешь, чревато последствиями.

Определенно нужен источник света.

«Лампу» и «солнце» я делать не умею. Можно, конечно, попробовать... но в случае неудачи тут все взлетит на воздух. К тому же постоянная подпитка выматывает, а силы мне еще ой как понадобятся. Я механически покатила спицу пальцами. Жаль, разрядилась... хороший был амулет.

Амулет? Ну, конечно! Это же теперь пустышка, ее «заговорить» – раз плюнуть!

Я стиснула спицу ладонями. «Увидеть» нити в полной темноте удалось не сразу – слишком непривычно это было. Но потом дело пошло как по маслу. Нужная «паутинка», наполненная светом, обернулась вокруг металлического стерженька. Первый элемент узора, второй, третий...

Спица нагрелась, запульсировала жаром... и вспыхнула, словно лампочка. Я, щурясь, смотрела на свет, пробивающийся сквозь сомкнутые пальцы. Глаза с непривычки резало, но я ликовала: получилось! У меня получилось сделать собственный амулет! Я подняла светосную спицу и огляделась.

Судьба забросила меня в подземный зал с высокими, пятиметровыми, потолками. Прямо надо мной зияла дыра. Ух! Оказывается, я еще удачно упала – полет с такой высоты мог закончиться летально. А так – отделалась парой ушибов. Воистину, дуракам везет.

Это из хороших новостей. А из плохих... Я по-прежнему не понимала, где нахожусь и как отсюда выбираться. Обратного в дыру я не полезу, потому что отношения с левитацией у меня крайне скверные, без опоры – живой, недавно сломанной ветки – взлететь просто не получится. А где можно найти живую ветку в подземелье?

Значит, надо идти другим путем. А это возвращает к вопросу: где я? Можно было бы попробовать выбраться обратно по нити, но для этого нужно хотя бы примерно представлять, куда я хочу попасть. Обратного на поляну? Нет, спасибо. Ни за что на свете.

Начинаем рассуждать логически. Поляна находится в сердце древнего леса, о котором люди не подозревают, равейны, шакаи-ар и инквизиция зовут его Срединным, малые народы, вроде ведарси, – Черным, аллийцы – Великим-и-Забытым.

Стоп. Аллийцы жили здесь раньше, значит, ориентироваться надо именно на аллийское название. *Аль-кенто 'тэаа*... Не то чтобы я хорошо знала аллийский... Куда хуже, чем, скажем, универсальное наречие, которое бытовало среди всех магически одаренных – от «академиков» и зрителей до равейн. Но что-то отложилось в моей бедовой голове еще с тех давних пор, когда мы жили в Приграничном. Мы – это мама, брат и я. У мамы несколько лет были дела в этом городе, что-то связанное с изучением каких-то там редких растений. У нас с Хэлом никаких дел не было. Зато была куча времени и абсолютная свобода передвижения. А чего бояться в «магическом» городке, не маньяков же?

Неудивительно, что через некоторое время нам надоело слоняться по Приграничному, который на проверку оказался совсем небольшим, и мы с братом начали бродить по окрестным лесам, плавно переходящим в аллийские Дальние Пределы. Мне тогда было восемь, а Хелкару, моему брату, – шесть. В один прекрасный день мы заблудились. Не дождавшись нас домой ни к обеду, ни к ужину, мама подняла по тревоге весь городок. Поиск в окрестностях ничего не дал. По счастью, в Приграничном издавна жили не только люди, но и аллийцы. Узнав, что в Приграничном лесу потерялись маленькие дети, они тут же подключились к поискам и даже послали весточку в Дальние Пределы.

Пока шли поиски, мы успели забраться довольно далеко. Сначала нам было весело, но когда стемнело, стало очень страшно. Мы замерзли, проголодались и устали. Ночевать пришлось на дереве...

Два дня пролетели, как в кошмаре. К счастью, на третий день на нас, голодных, чумазых, зареванных и насмерть перепуганных, наткнулся аллийский патруль. К этому времени до Дальних Пределов оставалось гораздо ближе, чем до Приграничного, поэтому решили идти именно туда. Элен должна была телепортироваться в Пределы утром. Нас же Старший в отряде на всякий случай отвел к целителю, единственному на все Дальние Пределы.

Так мы познакомились с Дэриэллом...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Сейчас надо было сосредоточиться на переводе. Возможно, в нем крылась подсказка. Я нахмурила брови, собираясь с мыслями.

Та-ак... Ведущим в словосочетании является корень «*kaenntoh*» – «великий». Но он также может переводиться в зависимости от контекста как «главный», «основной», «центральный». Второй корень – «*teaha*» – «заброшенный», «забытый», «покинутый». «*Al'le*» – артикль, придающий эмоциональную окраску выражению.

И что это мне дает? Ни-че-го.

Стоп. Я же где-то слышала слово «*kaenntoh*», причем не один раз. Может, в какой-нибудь легенде? Дэриэлл нам с братом много чего рассказывал. Он вообще любит сказки, этот целитель... Вполне возможно, что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.